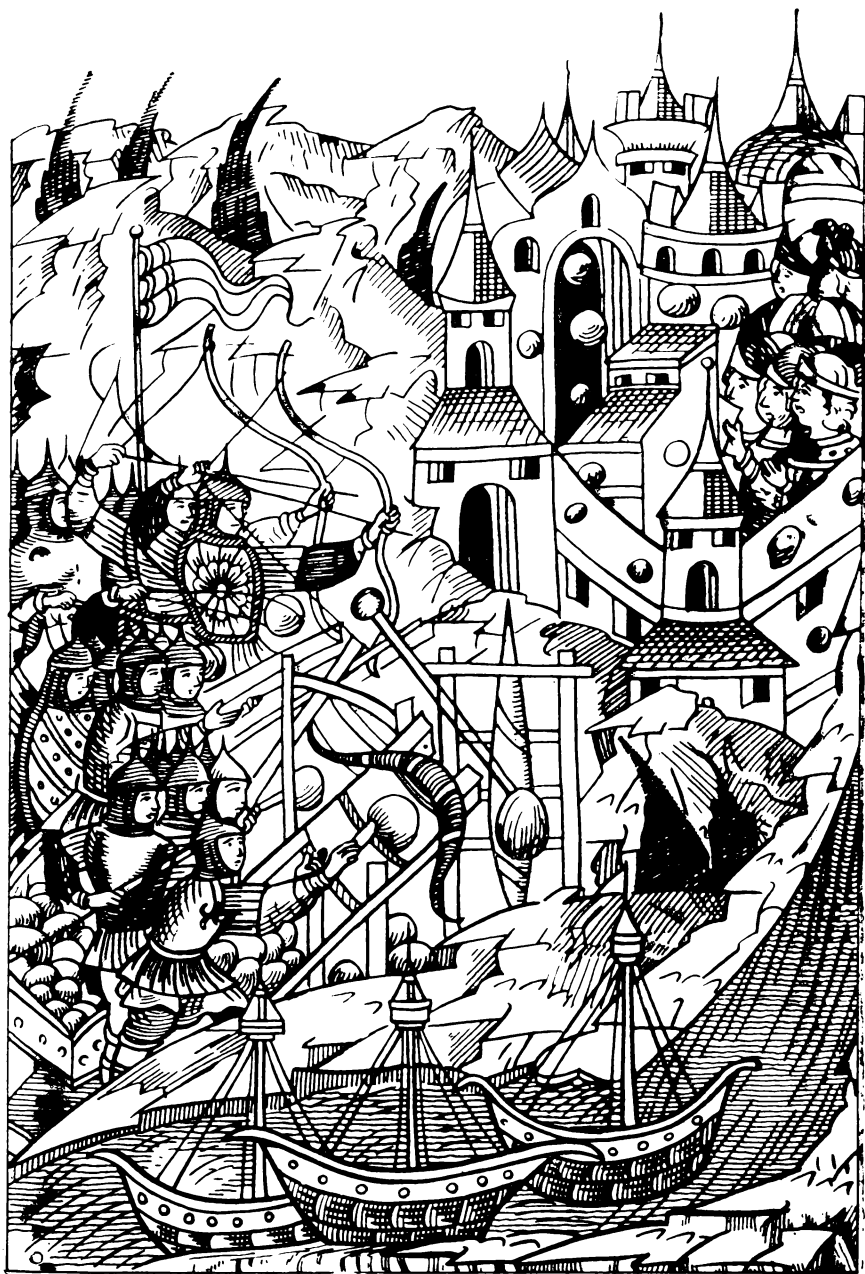

О. В. ОВСЯННИКОВ

ЛЮДИ И ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕВЕРА

Осада Орлеа новгородцами, 1398 г. Миниатюра XVI в.

О. В. ОВСЯННИКОВ

ЛЮДИ И ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕВЕРА

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1971

Эта книга о средневековых северных городах и о тех, кто жил в них более трехсот лет тому назад, — косторезах, кузнецах, иконописцах, каменщиках.

Автор книги археолог О. В. Овсянников несколько лет проводил научные исследования на территории Архангельской области. Однако в книге использованы не только археологические материалы. Тщательный поиск в архивных хранилищах позволил ученому обнаружить письменные документы, до сих пор не известные читателю.

В книге затронуты многие моменты северной истории: длительная борьба за Заволочье между Великим Новгородом и Москвой, отражение набегов разбойных отрядов в начале XVII в., постройка деревянных и каменных крепостей.

«РЕВНИТЕЛИ СЕВЕРНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ»

а последние годы наблюдается возросший интерес к истории, памятникам архитектуры и народному творчеству Русского Севера. Можно без преувеличения сказать, что на наших глазах Север переживает свое новое «открытие». Интерес к Северу объясняется не только большим кругом историко-культурных проблем, которые еще не решены или только поставлены и ждут своего решения, но и ролью в истории русской государственности и культуры, выпавшей на долю Севера. Притягательная сила «полуношной страны» велика. Стремление ближе познакомиться с культурным наследием русского народа, больше знать о тех, кто повседневным трудом воззвал к жизни необозримые пространства тундры и тайги, оставил после себя памятники такой силы и выразительности, что они делают честь русской национальной гордости, — это неотъемлемая часть общего патриотического подъема советского народа. Предлагаемая читателю книга охватывает один из периодов истории средневекового Севера: XIV—XVII вв.

Многие вопросы, достаточно освещенные в научной литературе, автор счел возможным не рассматривать вновь, а стремился ознакомить читателя с новыми или малоизвестными материалами.

Каждый, желающий ознакомиться с историей северных земель, непременно сталкивается с целой грудой письменных документов как изданных, так и хранящихся в различных архивах страны.

Еще каких-нибудь 200 лет назад среди бескрайних просторов Севера, в монастырских палатах и в небольших деревянных церквушках, имелись рукописи, достойные украсить собой любое столичное хранилище страны. Это были поистине «золотые россыпи»

на поставленный нами вопрос, не опоздали ли русские археографы с изучением древних памятников Севера: нет, не опоздали. 15 марта 1829 г. археографическая экспедиция во главе с П. М. Строевым и его ближайшим сотрудником и помощником Я. И. Бердниковым выехала из Москвы и взяла курс к берегам Белого моря.

Экспедиция совершила поездки в Онегу, в Крестный монастырь на Кий-остров. Но особенно интересная работа ожидала ученых в Архангельске. Любопытное собрание рукописных материалов — около 260 номеров — хранилось в духовной семинарии. Среди них имелось много рукописей, украшенных миниатюрами, рисунками, гравюрами, а также раскрашенных заставками и фигурными литерами. Многие рукописи семинарии происходили из библиотеки Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, а некоторые имели его собственноручные поправки. В рукописной книге «Чиновник» холмогорской архиерейской кафедры дано подробное описание приезда Петра I в Архангельск. Многие из книг подписаны писцами.

Афанасий занимает в истории культуры Севера особое место. Один из образованнейших людей своего времени, он был «ревнителем» дела Петра I, его твердым сторонником. Энергичный глава северной церкви не замыкался в кругу келейных дел. Он вел дипломатические переговоры с приезжавшими иностранцами, наблюдал за строительством государевых кораблей и за возведением бастионов Новодвинской крепости, составлял географические описания и атласы к ним. Сохранилось несколько списков так называемого «Описания трех путей из державы царского величества, из приморских стран в Швецию землю и до столицы их». Этот географический трактат исследователи рассматривают как практическое руководство в связи с войной со Швецией и походом Петра I к Нотебургу. С именем Афанасия связано развитие каменного культового строительства на Севере. При архиепископском доме была собрана довольно значительная группа иконописных мастеров — 12 человек. Именно из этой группы вышли известные мастера живописи, такие как царский изограф Василий Иванович Холмогорец, Семен Спиридонов Холмогорец и другие; в числе холмогорских иконописцев находился и один из авторов Двинской летописи — изограф Иван Васильев сын Погорельский.

Книги были страстью Афанасия. Многие из них приобретались в Москве, на Холмогорах была организована переписка и переплет книг. После смерти Афанасия в его библиотеке насчитывалось около 450 книг, из которых более 200 рукописных.

Не всем планам археографической экспедиции удалось сбыться. Весеннее распутье и бездорожье не позволяли и думать о поездке в Пустозерск, Мезень, Колу. Но зерна, поселенные русскими археографами и «любителями древней словесности», упали на благодатную почву и дали обильные всходы.

Интерес к культурному наследию Русского Севера привел в 1887 г. к созданию Архангельского древлехранилища, существование которого было официально подтверждено в 1890 г. В 1897 г. для него было отведено специальное каменное здание.

Взросший интерес к северным древностям содействовал выявлению произведений прикладного искусства, сбору письменных документов, что способствовало сохранению уникальных памятников древнерусской письменности. В 1886 г., наряду с древлехранилищем, начал функционировать Комитет по собиранию и хранению письменных и вещественных памятников. В состав Комитета входили В. Смирнов, И. М. Сибирцев, С. Ф. Огородников и др. Собрание сведений об имеющихся ценных вещах и документах, приобретение их в монастырях, церквях, у частных лиц составляло компетенцию Комитета.

Поистине жемчужину собрания составляло Сийское евангелие первой половины XIV в. «Одно уже так называемое Сийское 1339 г. евангелие, писанное на пергамене, может составить гордость всякого древлехранилища: таких ценных по древности и содержанию евангелий немного и в столичных древлехранилищах и библиотеках», — констатировал Т. К. Богуславский, описывая архангельское собрание¹. Сийское евангелие было написано в 1339—1340 гг. в Москве при великом князе Иване Даниловиче Калите по поручению чернеца Анания «на Двину» дьяками Мелетием и Прокошей. Книга была украшена заглавными буквами и прекрасной миниатюрой. В коллекции находилась еще одна рукописная книга XIV в. — Псалтырь 1395 г. из Онежского Крестного монастыря на Кий-острове. Псалтырь был написан на пергамене «смолянином иноком Лукою», о чем свидетельствовала собственноручная подпись переписчика.

К 1911 г. собрание архангельского древлехранилища составляло 328 рукописных книг. Среди них находились житейники, хронографы, судебники, летописи, азбуковники и алфавитники. Коллекция письменных документов насчитывала более 30 000 единиц хранения и представляла собой огромную научную ценность. В ней находились грамоты Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и др.

Плодотворная деятельность архангельских «ревнителей древностей» имела широкий общественный отклик в русских научных кругах. Их деятельность совпала с тем бурным процессом в русской исторической науке, отличительной чертой которого явился резко возросший интерес к отечественной истории, ко всему культурному наследию русского народа.

Однако поиски памятников древнерусской письменности не окончились. Каждый год разъезжаются экспедиции в различные уголки Севера — Каргопольщину, Мезень, Печору. Изучение культурного наследия русского народа продолжается.

Средневековые памятники Архангельского Севера до последнего времени не являлись предметом специального археологического исследования. Сведения о древних городках, отдельных находках носили случайный характер. Первым исследователем древних северных поселений выступил служащий Архангельского Статистического Комитета А. Г. Тышинский. Историко-этнографические очерки Холмогор, Емецка, Шенкурска, написанные им в 1868 г., не потеряли интереса и в наши дни.

Нельзя пройти мимо имени К. П. Рева — исследователя археологических памятников Севера различных эпох — от неолита до позднего средневековья.

Лишь в 1959—1961 гг. Архангельским областным краеведческим музеем было впервые проведено систематическое изучение средневековых памятников Севера — городищ и посадов. В Архангельске археологических раскопок не проводилось, но наблюдения в строительных котлованах на территории бывшей Стрелецкой слободы показали много интересного. Благодаря влажности грунта, на котором лежали наиболее ранние деревянные постройки, хорошо сохранились предметы из дерева, ткани, кожи, бересты и кости. Исследование памятников Севера продолжается и, кто знает, сколько увлекательных открытий ждет нас впереди.

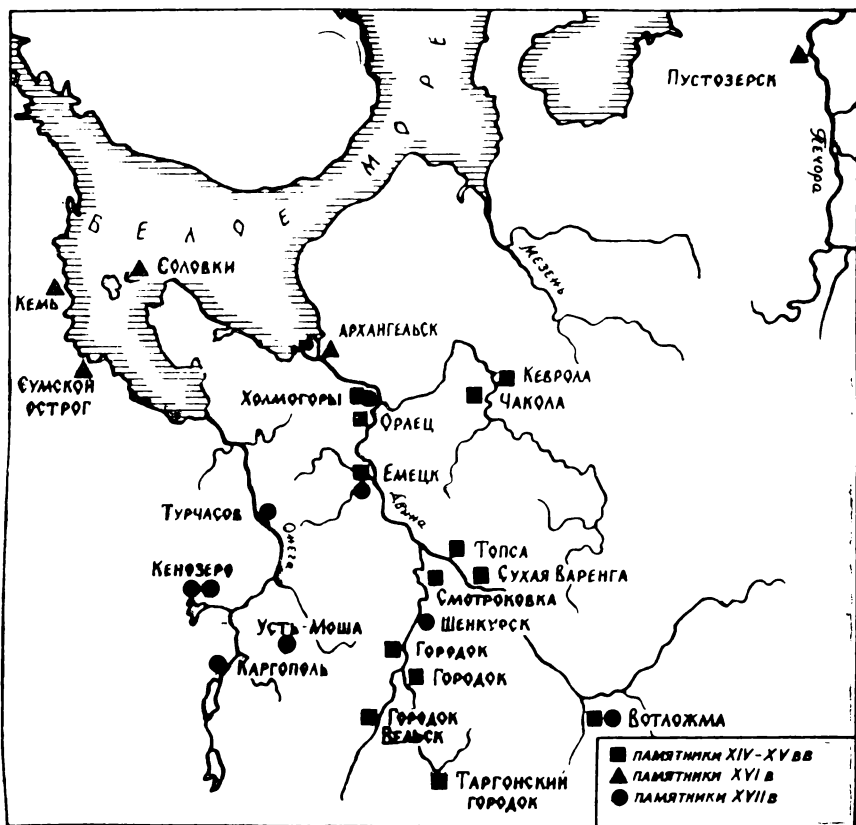
ЯБЛОКО РАЗДОРА

Обширные территории между Онегой и Мезенью, известные по русским летописям под названием Заволочья, в начале второго тысячелетия выступили на арену политической и экономической жизни Древней Руси. Русские поселения, осваивающие Северные земли, в первую очередь новгород-

цы, явились носителями высокой и многогранной культуры эпохи Киевской Руси. Местные немногочисленные племена были частью оттеснены на восток, частью слились с пришельцами. Если первые летописные известия об этих территориях скудны и нередко баснословны, то в XI в. Заволочье стало своеобразным «тылом» в продвижении и освоении северо-восточных земель—новгородцы накладывали дань на племена, жившие по Печоре, и шли дальше «в Югру». В Уставе новгородского князя Святослава (1137 г.) названы уже многочисленные новгородские поселения в Заволочье — Волок на Моше, Вель, усть Ваг, Тойма, усть Емца, Кегрола (Кеврола), Пинега (Пинега) и др. Для нас ценным является тот факт, что перечисленные пункты были неукрепленными поселениями, вероятнее всего, погостами (погост — наиболее типичная форма древнейших славянских поселений на Севере).

При освещении этого периода историки, как правило, подчеркивали ожесточенность сопротивления, которое оказывали местные «чуждые» племена первым русским поселенцам. В доказательство приводились многочисленные «немые свидетели» прошлого — укрепления-городки. Так ли это? В истории северных земель есть период, насыщенный такими бурными военно-политическими событиями на протяжении нескольких столетий, что далекое Заволочье постоянно занимало умы русских летописцев. Уже в 1169 г. заволочане отказались платить дань Господину Великому Новгороду и искали заступничества у князя Андрея Суздальского. Новгородцы попытались собрать дань силой, но встретили сопротивление. Двиняне выступили против Новгородской рати совместно с полком, присланным князем Андреем, но были разбиты. Начиная с XIV в., Заволочье становится ареной кровопролитной борьбы, затянувшейся почти на два столетия. Объединительные тенденции великих князей натолкнулись на упорное сопротивление Новгорода.

Средневековые укрепленные поселения Севера.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

В 1342 г. ...Лука Варфоломеев, не послушав Новгорода и митрополита благословения и владычния, скопив с собою холопов и поиде на Волок на Двину и постави городок Орлецъ, и скопив емчан, и взя землю заволоцкую по Двине, все погосты на щит»². Это летописное известие важно не только тем, что дает точную дату основания Орлецкого городка, оно начинает летописный рассказ о драматических событиях на Двине, продолжавшихся почти пять-

десять шесть лет. В том же 1342 г. Лука во главе отряда в 200 человек бился с заволочанами и был ими убит. В далеком Новгороде это событие вызвало волнение «черных людей». Новгородский посадник бежал в Копорье, где отсиживался всю зиму, его дом и поместья были разграблены. Сын Луки Онцифор, вернувшись в Новгород, подтвердил версию о пособничестве новгородских верхов в убийстве отца. Произошли события, характерные для новгородской жизни, — собрались два веча. Между сторонниками Онцифора и его противниками произошли столь бурные столкновения, что потребовалось вмешательство новгородского владыки. Онцифор «с своими пособниками» бежал. Вполне вероятно, что разногласия в новгородских верхах (сначала Лука, а затем Онцифор) иллюстрируют один из эпизодов борьбы за власть в Великом Новгороде.

В течение пяти лет, с 1393 по 1397 г., обстановка в Заволочье изменилась: верх одержали сторонники сближения с великим князем. В 1397 г. московский великий князь послал в Заволочье бояр с предложением «ко всей Двинской слободе» порвать с зависимостью от Новгорода и перейти под покровительство Москвы. Посланцы успешно справились со своей миссией, так как «все двиняне за великий князь задалеся, а ко князю великому целоваша крест»³. В том же 1397 г. Орлец-городок упоминается в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле. На короткий отрезок времени она переходит под власть Московского князя. «Двиняне задалеся князю Василию Московскому и князь Василей разверже мир с Новгородци», — сообщает летопись. Была сделана попытка решить конфликт мирным путем: «Новгородци же послаша к нему владыку Ивана и посадника Богдана и Кюрилу Дмитриевича, и князь не принял владычия благословение ни Новгородского челобитья». В Новгороде недвусмысленно отозвались на событие на Двине: «...не можем, господине, отче святыи сего терпеть от великого князя Василия Дмитриевича: отнял... у Великого Новгорода пригороды, волости, наши вотчины, хотим поискать своих вотчин». Летопись рисует новый поход новгородцев как довольно значительный. Новгородцы разорили белозерские и кубемские волости, взяли Устюг и сожгли его. После этого «...поидоша вниз по Двине, воюючи к Орлецу, городку двинскому».

Что представлял собой Орлецкий городок, так часто упоминаемый на страницах летописей?

В свое время некоторые ученые считали, что Орлецкий городок располагается в Вологодской области, в 40 верстах от Устюга, на берегу р. Сухоны. Однако анализ летописных данных, особенно

похода новгородцев, шедших «вниз по Двине», позволяет считать эту точку зрения несостоятельной. Орлецкое городище находится на левом высоком берегу р. Северной Двины, в 33 километрах от с. Холмогор.

Впервые осмотр памятника был предпринят А. Г. Тышинским. В местной краеведческой литературе при описании Орлеца основное внимание уделялось пересказу летописных данных, связанных с походом новгородцев.

В 1959 г. памятник был осмотрен археологической экспедицией Архангельского областного краеведческого музея, а в 1970 г. на нем были проведены разведочные археологические работы.

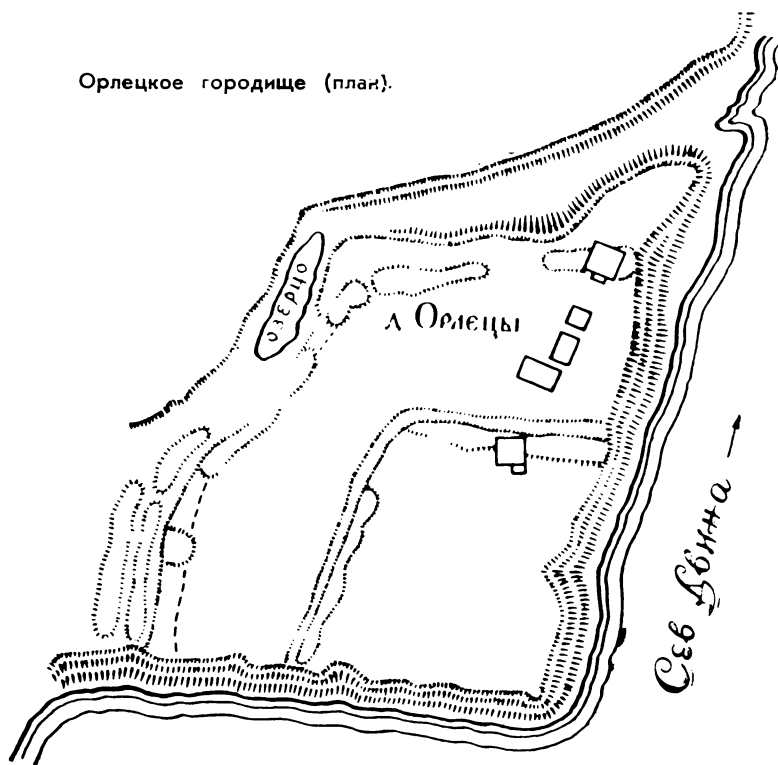
Городище в плане напоминает трапецию (южная сторона немного больше северной, западная скошена) с закругленными углами. С севера и запада городок имел искусственные укрепления. Не ясно, были ли они и с южной и восточной сторон, так как практически нападение со стороны реки вряд ли было возможным—высота обрыва над зеркалом реки составляет почти 20 м (вероятнее всего, таких укреплений здесь не было).

Существенным моментом является членение древнего города на детинец и посад. Детинец занимает самую оконечность мыса, площадь его 100 × 190 м. С напольных сторон детинец защищен валом и рвом. Высота вала 2,5—3 м, ширина 10—13 м, глубина рва 0,8—1,0 м, ширина 2,5 м. За детинцем начинается окольный город, который как бы прикрывает его с севера и запада полосой шириной в среднем 100 м.

С напольных сторон окольного города находятся искусственные укрепления. С северной стороны—ров, начинающийся от самой реки. В большую воду значительная часть рва заполнялась водой. Кроме рва, окольный город опоясан валом, который начинается от берега, до северо-западного угла, поворачивает и продолжается до юго-западного угла. С юго-западной стороны городище прикрито целой системой оборонительных сооружений, состоящих из трех отрезков валов и рвов. Усиление обороны этого участка городища можно объяснить отсутствием здесь естественных препятствий и поэтому большей уязвимостью этого наиболее вероятного для штурма направления.

В конструкции оборонительных сооружений городка использован камень. Осмотр обнажений развала камня позволяет считать, что это не булыжный камень, а известняковые плиты. А. Г. Тышинский первый обратил внимание на каменную кладку в вале детинца и описал свое наблюдение так: «Архитектура этой XIV в. стены служит доказательством, что строившие ее или не имели ни-

Орлецкое городище (план).

какого понятия о строительном искусстве, или же намеревались построить не стену, а каменный вал, так как вся эта стена построена из щебня, залитого известью»⁴. Нет надобности говорить, знали ли новгородцы «строительное искусство», ведь XIV в. для Новгорода был временем интенсивного церковного и военного зодчества. Известняк — местный строительный материал. Еще в древности вблизи Орлеца существовали разработки этого камня. В XVII в. эти разработки вел Соловецкий монастырь, получивший право «на Двине на Орлеце камень белый ломать и дрова сечь и известь жечь...», орлецкий камень применяли на строительстве архангельских гостиных дворов в 1670—1688 гг., здесь же жгли известь. Орлецкие карьеры на противоположном берегу реки используются и в настоящее время.

Археологические работы 1970 г. показали, что Орлецкий детинец — это белокаменный кремль. Раскопками открыт участок стены длиной около 20 м (общая протяженность сохранившихся каменных стен почти 300 м!). Стены сложены из местного орлецкого известняка на растворе, ширина стен около 30 м, они сохранились на высоту почти 2 м. Была обнаружена четырехугольная в плане каменная проездная (воротная) башня с двумя парами пилонов. Орлецкий кремль 1342 г. — это шестая после Старой Ладogi, Новгорода, Пскова, Изборска и Копорья каменная крепость Северной Руси.

Теперь снова обратимся к летописям. Летописцы по-разному описывают военные события под Орлецом. Новгородская летопись субъективна в их оценке: «...а под Орлецом стояше месец, боюще пороки. Заволочане же с города убиша Левона Скоудичкого, наши же взяша Орлец и разьграбиша». Устюжский летописец иначе рассказывает о финале осады новгородцев: «И стояше под Орлецом 4 недели и поставиша пороки. И вышедше двинене из городка Орлеца и добиша челом воеводам»⁵ — то есть одна летопись свидетельствует о падении Орлеца во время удачного штурма его, другая о сдаче крепости. Обе летописи указывают на длительную осаду города. Не имея возможности взять Орлец с ходу, «изгоном», новгородцы применили широко распространенный в то время способ длительной осады — «облежанием». Любопытен и тот факт, что осаждающие были вынуждены применить метательные орудия — «пороки».

Среди миниатюр II (Остермановского) тома Никоновской летописи имеется одна, связанная с событием под Орлецом, — «Осада Орлеца новгородцами». Учитывая известную условность изображения «Орлецкого города» на этой миниатюре XVI в., можно все-таки отметить ряд реалистических деталей в сцене осады, что наводит на мысль об использовании миниатюристом каких-то реальных и более ранних изображений. Поражает большое сходство плана Орлецкого городища с планом расположения города на миниатюре. Метательные машины новгородцев стоят с юго-западной стороны города — наиболее выгодной для штурма, наконец, миниатюрист изобразил не деревянный, а каменный (пусть и условный!) город. После падения Орлеца он был разрушен — «...городок скопаша и разгребоша...» Двинские «смутьяны» были сурово наказаны: «...воеводу двиньского Ивана Микитина, приведе в Новгород скинуша с моста», Герасим и Родион «постригошася в чернцы», а Анфалу удалось убежать по пути в Устюг⁶.

В последующее время название Орлец (Орлецы) упоминается лишь в качестве географического пункта. В XVII в. на Орлецком «носе» находилась деревянная церковь Николы Чудотворца, а в июле 1693 г. двинской воевода и окольный Андрей Матвеев выехал из Холмогор встретить Петра I и встретил его около Орлеца.

Общая планировка крепости характерна для своего времени, она отражает основные принципы оборонительной тактики XIV в., направленной на то, чтобы не допустить противника к стенам, держать его под обстрелом перед крепостью, максимально использовать все естественные препятствия. Северные и западные стороны как на посаде, так и на детинце сходятся под тупым углом. Именно в этом месте находилась башня, позволяющая вести плотный фланговый обстрел вдоль этих сторон. Сочетание возможности фронтального и флангового обстрела при наличии каменных стен орлецкого детинца делало эту крепость мощным оборонительным узлом.

«ГРАДКИ ИХ ПОИМАША...»

Победа новгородцев под Орцом не означала, что вопрос о Заволочье был решен на сколько-нибудь длительное время. Уже в 1399 г., когда новгородская рать гналась за Анфалом, устюжские князья выступили на помощь ему и бились с новгородцами на Сухоне у Стрельного порога. В 1401 г. Анфал и Герасим Рострига (тот Герасим, который после разгрома Орлеца был насильно пострижен в монахи) во главе полков великого князя направилсь в Заволочье и завоевали всю Двинскую землю. Новгородцы с помощью важан разбили Анфала и Герасима «на Холмогорах» и прогнали их.

Военные походы постоянно следовали то с одной, то с другой стороны. В 1415 г. войска великого князя в союзе с вятчанами и устюжанами снова прошли огнем и мечом Двинскую землю. Ответный поход состоялся незамедлительно — заволочане и новгородцы дошли до стен Устюга. Летописи обычно различают военные силы двинян и новгородцев. Если в 1342—1399 гг. о рати двинян ничего не говорится, то в XV в. летописец упоминает о ней постоянно. В военных действиях против «моурман» в 1419 г. действует исключительно двинской военной отряд. В 1446 г. заволочская рать в 3000 человек идет в поход на Югру и отражает новое нападение северных соседей. Создание местных вооруженных сил

было, вероятно, необходимо в условиях той обстановки, когда непрерывные опустошительные походы наносили большой урон экономике края.

Кроме военных походов, новгородцы в борьбе за Заволочье прибегали и к более тонким политическим маневрам. Именно с этой точки зрения можно рассматривать поездку архиепископа Великого Новгорода владыки Евфимия на далекий Север, чтобы «благословити Новгородскую отчину и свою архиепископию и своих детей». Несомненно, это явилось широким дипломатическим жестом, направленным на укрепление новгородского влияния в далекой «отчине», попыткой заручиться поддержкой двинян в борьбе против московских князей.

Неспокойная обстановка в Заволочье, сложившаяся здесь в XIV—XV вв., привела не только к созданию местных военных отрядов, но и к появлению на этой территории целой сети укрепленных военных поселений — городков, которые, располагаясь на основных водных магистралях Севера, занимали наиболее важные, ключевые позиции.

Опираясь на местные предания и традиции, ученые относили многие памятники, и в первую очередь северные городки, к «чуждым крепостям». Подобная точка зрения проникла в науку и дожила до наших дней. Анализ письменных источников, а также археологическое обследование укрепленных поселений позволяет считать их русскими поселениями и связывать с событиями XIV—XV вв. К этому периоду относятся несколько городков по Двине, Ваге и их притокам: Вареньгское городище, Топецкое городище, Вотложемский городок и др.

Давно известно городище на правом берегу р. Устья, напротив впадения в нее р. Кокшеньги. Крепость эта как бы «запирала» выход из реки Кокшеньги — важной водной магистрали средневекового Севера. Городище имеет полуовальную форму, с напольной стороны окружено валом (вал почти полностью распахан) и глубоким рвом. В древности это городище как бы замыкало целую цепь кокшеньгских городков XIV—XV вв.: Никольский (на мысу у слияния рек Кокшеньги и Пихтуя), Тарногский, Ромашевский на р. Уфтьюге и других.

О захвате и разрушении всех этих городков в конце XV в. говорят письменные источники: «...Князь велик и царевич шед на Кокшеньгу, градки их поимаша». Следует отметить следы еще одного городка, который был расположен на берегу р. Ваги, в 8 км от Вельска. Городище занимает мыс, возвышающийся над береговой поймой. В плане оно овальное, с двух сторон окружено овра-

гами, с напольной стороны ровом. В литературе этот памятник известен давно, благодаря ряду интересных, в том числе золотых, находок, сделанных при земляных работах и распашке.

Двинские, важские и кокшеньские городки составляли своеобразную сеть укрепленных пунктов, о которые должны были разбиться военные усилия московских князей. В землях, принадлежащих великим князьям, в частности по р. Пинеге, находились городки, против которых в 1471 г. военные действия вели новгородцы: «...город Кегрольский сожгли, а с Чакольского городка окуп взяв».

ГОРОДОК НА ЕМЦЕ

Остатки Емецкого городища находятся в 2 км от современного с. Емецка, у д. Задворской. Городище занимает оконечность длинного мыса, вытянувшегося между озерами Епифановским и Задворским. Площадь городища 210×30 м. У местных жителей оно известно под именем «Городка» и связывается с легендарным рассказом об ожесточенной борьбе новгородцев и «чуди» за этот город и о поражении последней.

Площадь городища неровная, в южной части отчетливо прослеживается несколько воронкообразных западин, поросших кустарником. В «большую» воду озера соединялись, омывая городище с трех сторон. С напольной, юго-восточной стороны, вал и ров отделяют площадку городища от остальной части мыса. Высота вала около 3 м, он обильно порос кустарником и деревьями, глубина рва около 13 м.

Первые археологические разведки на территории Емецкого городка провел в 1896 г. К. П. Рева. Исследователю удалось обнаружить остатки углубленных в землю срубных жилищ со следами очагов и полов. Среди находок, обнаруженных К. П. Рева, следует упомянуть железные наконечники копий и стрел, обломки топора и горшок.

В 1961 г. на месте одной из западин в средней части городища нами был заложен небольшой разведочный раскоп, в котором удалось обнаружить контуры прямоугольной в плане ямы, вырытой в песчаном материке. Исследуя заполнение этой ямы, на глубине 0,5 м мы натолкнулись на слой темной золы с обильной примесью больших кусков обожженной докрасна глины с отпечатками дерева. С трех сторон ямы, вдоль ее стен (четвертая сторона не была

вскрыта), лежали обугленные толстые бревна, сложенные в три венца. Во время пожара, который уничтожил постройку, глиняная обмазка стен обожглась докрасна и упала внутрь постройки. Тип емецкой постройки — углубленное в землю срубное жилище, обмазанное глиной, — не одинок. Небезынтересно, что подобные постройки были обнаружены среди полуземлянок XII—XV вв. при раскопках на Перыни у Новгорода.

Находки на Емецком городище немногочисленны: заготовка жернова, в заполнении постройки — фрагменты замка и топора, небольшие куски красноглиняных горшков. В раскопе на валу между двумя рядами обгорелых бревен найдены остатки очага, керамика. Незначительная толщина или полное отсутствие на некоторых участках городища культурного слоя свидетельствует о непродолжительном существовании крепости и о незначительном количестве ее населения. Это вполне понятно, так как укрепление было поставлено на случай опасности, лишь перед лицом непосредственной угрозы здесь укрывались жители близлежащих неукрепленных поселений.

Вероятнее всего, Емецкий городок возник где-то во второй половине XV в. в связи с активизацией военных действий между Москвой и Новгородом. В 1471 г. во время похода на Двину московского войска крепость была разгромлена, как и другие северные городки.

ГОРОДОК НА ПЕНЕЖКЕ

К рассматриваемому периоду относится еще один северный городок, занимающий особое место среди средневековых укрепленных поселений Русского Севера.

19 июня 1462 г. умер основатель Иоанно-Богословского монастыря на Ваге Варлаам. Для нас представляет интерес его «мирская» деятельность.

В руках северного историографа XIX в. «мещанина Верховажского посада» Матвея Мясникова оказалась группа документов, объединенных одной боярской фамилией — Своеземцевых. Документы во время путешествия П. М. Строева попали к нему в руки и, ввиду их исторической значимости, были впоследствии опубликованы. Тщетны были попытки отыскать следы Своеземцевых среди новгородских бояр и посадников. Лишь более близкое знакомство с этой фамилией позволило раскрыть ее происхождение.

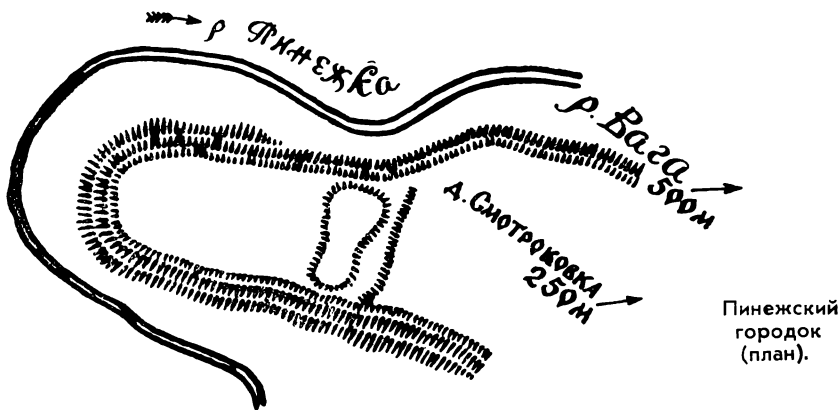
В 1553 г. царь Иван Васильевич пожаловал своей милостью «Шенкурского городка городского прикащика своеземца Ивана Васильева сына Федорова Едемского», отец которого принадлежал к старинному роду новгородских посадников и владел вотчинами в Важской земле и в Кокшеньгских погостах. Оказалось, что своеземцы представляли собой особую группу новгородских землевладельцев-вотчинников, сохранивших свои владения, перейдя на службу к Московскому царю.

Так называемые «своеземцевы» действительно относились к древнему и богатому роду новгородских бояр. Усадьба, принадлежавшая им, находилась в Новгороде на Славянском конце на Нутной улице. Крупная боярская вотчина «своеземцевых» в Подвинье начала складываться с начала XIV в. с покупки Шенкурского погоста. В конце XIV в. в нее входили, кроме Шенкурского погоста (который в это время назывался уже «великим погостом»), земли в Кокшеньгском погосте, в Ясеничах, Ловиничах и других местах⁷. Управление важскими вотчинами «своеземцевых» осуществлялось вотчинной администрацией — приказчиками, бирючами, кунщиками. Главную часть феодальной ренты, взимаемой с крестьян, составлял хлеб, но особенно в XV в. значительное место занимали денежные оброки. Можно предполагать наличие и собственного боярского хозяйства.

Раскроем теперь настоящее имя монаха Варлаама — это новгородский боярин Василий Степанович, который как посадник Великого Новгорода упомянут в документах 1446 и 1456 гг. В конце жизни Василий Степанович отошел от бурной политической жизни в Новгороде и удалился в свои важские владения, а впоследствии принял монашеский сан. В «Житии преподобного Варлаама Важского» постройка городка отнесена приблизительно к середине XV в.: «созда градец мал... на высоке горы... Пенешский градок именуемый»⁸. Само возникновение укрепленной боярской усадьбы очень знаменательно. Это единственный известный пока на севере городок — укрепленный центр боярской вотчины. Возникновение его вызвано беспокойной обстановкой в Заволочье, а также набегами воинственных югорских князьков. Возможно, что одно из таких нападений было совершено около 1446 г. югорским князьком Юрадой.

Пенешский городок находился в 17 км от г. Шенкурска у д. Смотрокówki и занимает высокий мыс в излучине р. Большая Пенешка (Пенешка).

Городок просуществовал, по-видимому, недолго. В списках Двинских земель и в перечне Залесских городов он не упоминает-

ся. Не исключена возможность, что городок был razoren до конца XV в. Так, с 1452 г. он попал в район действия военных отрядов великого князя, преследующего Шемяку: «князь велик... поиде противу Шемяки. Отпустил сына на Кокшеньгу градки их поймаша, а землю всею плениша и в полон выведоша, а ходиша до устья Ваги и до Осинова поле».

КРЕПОСТЬ МИХАИЛА АРХАНГЕЛА

Во второй половине XVI в. в низовьях Северной Двины на мысу Пур-Наволоке на месте монастыря Михаила Архангела возник «город Архангельский». Термин «город» в средневековой Руси относился исключительно к военному укреплению, к крепости. Появление в устье крупнейшей водной магистрали Севера нового укрепленного пункта явилось значительным событием в политической, экономической и военной истории Беломорья.

Наиболее ранний документ о строительстве Архангельского «города», дошедший до нас, относится к 4 марта 1583 г. Это царская грамота двинскому воеводе Петру Афанасьевичу Нащокину и Залешенину Волохову. Грамота, несмотря на свой незначительный объем, содержит немало ценных сведений. Приведем ее почти

полностью: «Писали есте к нам о Двинском городовом деле и роспись и чертеж тому городу к нам прислали: и мы тое росписи вычли и чертежу смотрели, и указали поставити город на том месте и по той мере, как в вашей росписи и в чертежу написано; а архангельскому монастырю, церкве и кельям, указали есми им быти в городе, а которые их монастырские службы, и двory их служни, и всякие монастырские обиходы, и тем службам и двором и всяким монастырским обиходом указали есми быти за городом; а что монастырские земли отойдут под город, и к городу, и под посады, и для животного выпуска, и для всяких городских нуж, и против тое монастырские земли в отмене указали есмя к монастырю дати пашенные ж земли, столко же четвертей или десятин, что у них отойдет под город и к городу. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели город делати на том месте и по той мере, по росписи и по чертежу, какову есте роспись и чертеж к нам прислали, наспех, теми посошными людми, которую посоху к тому городовому делу есмя указали ...а о наряде городовом, и о железе, указ вам учиним часа того. Писан на Москве, лета 7091 марта в 4 день»⁹.

О том, что это была не первая царская грамота на Двину «о городовом деле», свидетельствует ее краткость и лаконичность, т. к. речь идет о деле уже не новом, а обсуждавшемся ранее. В пользу этого говорит и разъяснительный текст грамоты: как быть с монастырем Михаила Архангела, попадающим в зону строительства. Не может быть и двух мнений о том, что этому предшествовала довольно обширная переписка, относящаяся, по всей вероятности, к 1582 г. Это же доказывает и практика городского строительства в средневековой Руси. Первая царская грамота «о городовом деле», посланная на Двину, говорила о необходимости иметь крепость в низовьях Двины, указывала местным властям выбрать для этого подходящее место и сделать проектный чертеж предполагаемому строительству. Трудно сказать, был ли чертеж сделан местными силами или для этого был послан специальный человек из Москвы. Наконец, место было выбрано и чертеж изготовлен и вместе с объяснительной грамотой отослан царю на рассмотрение и утверждение. Царская грамота от 4 марта 1583 г. подтверждает получение присланного чертежа и одобрение его.

Грамота с указом о строительстве, учитывая долгий путь от Москвы до Архангельска, поступила не ранее начала лета. Начинать строительство в оставшиеся месяцы 1583 г., даже если предположить, что деньги с «посошных людей» были уже собраны и

лес заготовлен, вряд ли было реальным делом. А о том, что деньги на строительство собирались с посошных людей уже осенью 1582 г. (согласно не дошедшей до нас царской грамоте), свидетельствует отписка сотника Степана Миронова в получении с Егорьевской земли на Лодме денег «в городовое дело».

Спешить с постройкой крепости Михаила Архангела побуждали те же мотивы, которые привели к возникновению во второй половине XVI в. на беломорском побережье целого ряда крепостей.

Очень важно восстановить хотя бы в общих чертах облик северного «города» XVI в.

В нашем распоряжении нет писцовых книг XVI в., относящихся ко времени после постройки города. (В 1587—1589 гг. «Двину писали» князь Василий Андреевич Звенигородский и подьячий Рахман Воронов). Не сохранились и книги начала XVII в. — писца Алексея Федорова сына Загряжского и подьячего Меркурия Любученинова (1611 г.). Зато в нашем распоряжении имеются писцовые книги 1622—1624 гг. Мирона Андреевича Вельяминова и подьячих Бажена Степанова и Антона Подольского. Эти книги дают исчерпывающие сведения об Архангельском «деревянном городе». Описание 1622—1624 гг. в полной мере воссоздает облик «города» XVI в.: за прошедшие 38 лет в нем могли проводиться лишь ремонтные работы. Однако следует оговориться, что это будет правомерным в отношении планировки и архитектурного облика оборонительного сооружения, но не его вооружения — лучечного «наряда», который за прошедшие годы, несомненно, модернизировался.

Описание Архангельского «города» впервые, правда, с серьезными ошибками опубликовал С. Ф. Огородников¹⁰. Мы считаем необходимым подробнее остановиться на описании Архангельского «города» по писцовой книге Мирона Вельяминова 1622—1624 гг.

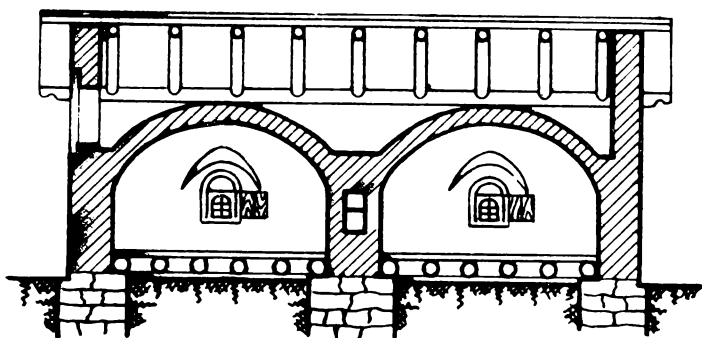
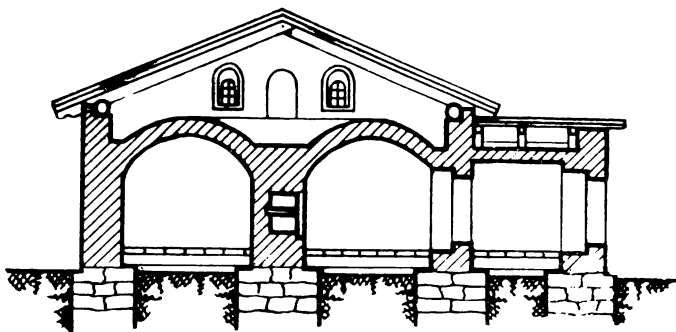
Архангельский «город» деревянный, рубленый в две стены, мазан глиной. В крепость вели трое ворот — Архангельские, Воскресенские и Покровские. Ворота находились в воротных башнях. Покровские ворота были «водяные», т. е. со стороны Двины. Остальные 4 башни — Спасская, Вознесенская, Северская, Рождественская («Рождественская») были глухими и стояли по углам. Как показывает практика оборонительного зодчества в средневековой Руси, проезжие, т. е. воротные, башни чаще многоугольные, глухие — четырехугольные. Длина городской стены вместе с башнями и воротами составляла 417 сажен. Вокруг «города» располагалась «крепость с трех сторон, острог на иглах, а у острогу двои ворота: Архангельские и Воскресенские. На остроге ж и на воротах

6 башен». Вот перечень этих башен — Воскресенская и Архангельская (воротные), Вознесенская, Северская, Спасская, Рождественская — угловые. «И всего острогу мера 312 сажен с полусаженью». Перед острогом находился ров шириной 4,5 сажени, глубиной 2 сажени, в котором стоял тын (бревна, врытые вертикально), а около рва надолбы (бревна, врытые наклонно).

Пушечный «наряд» в Архангельском «городе» распределялся таким образом. Наиболее оснащенными были воротные башни, защищающие подступы к «городу» с суши: Архангельская — 4 ствола, Воскресенская — 2 ствола, по одному стволу имели все остальные башни (кроме Спасской, имеющей 2 ствола). По городской стене были расставлены еще 19 стволов. На острожной стене и башнях вооружение не указано, вероятнее всего, его и не было. На зеленом дворе хранилось зелье, свинец, железо, одна медная и две железные затинные пищали, которые к стрельбе не были годны.

Следовательно, Архангельский «город» состоял по существу из двух комплексов сооружений. Внешний, или острог, являлся по сути дела первой линией обороны. Учитывая, что перед башнями «города» находился стоячий тын, составляющий передовую линию обороны, в башнях не устраивали нижнего, подошвенного боя, а лишь средние и верхние бои, позволявшие обстреливать подступы через ограду острога. В городской стене, вероятно, были и нижние, и средние, и верхние бои, часть из них предназначалась для стрелкового, часть для пушечного боя. Башни верхней части наверняка имели характерные для того времени небольшие расширения — «повалы» или «обломы», являвшиеся по существу бруствером для стрелков. Сочетание острога и деревянного «города» не является чем-то необычным для древнерусского оборонного зодчества. Оно характерно для него, правда, для несколько более раннего времени, т. к. с XVI в. острог чаще выступал как самостоятельная крепость. Но и в XII в., например в Великом Новгороде, наряду с каменным «городом»-детинцем, существовала линия, защищавшая посад, — деревянный острог. Однако архангельский посад не мог располагаться за стенами острога — слишком узкое это было пространство: длина городской стены с трех напольных сторон составляла 296 сажен, а длина стен острога 312,5 сажени.

Государева «пороховая казна» и оружие хранились на «зеленом дворе». К сожалению, описание зеленого двора 1622—1624 гг. не сохранилось, но насколько любопытен его комплекс, свидетельствуют документы, относящиеся к середине XVII в.

Пороховая каменная палатка XVII в. в Архангельском городе
(реконструкция).

В 1647 г. архангелогородский воевода князь Юрий Буйнос Ростовский послал царю «отписку» о постройке в Архангельском городе «каменной палатки». В море деревянных строений, подверженных пожарам, «пороховая казна» находилась в условиях постоянной опасности. «...А твоя государева казна в Архангельском городе немалая, и без полатки, государь, быть твоей государевой зелейной казне впредь страшно», — писал воевода¹¹. Охотников для проведения каменной постройки «кликали бирючи много дней», но из местного населения никто не изъявил желания, и подряд на постройку взяли находившиеся в городе московские стрельцы — 23 человека. Однако стрельцам удалось довести постройку

лишь до сводов — они были отозваны по службе в Москву. Двинской воевода не располагал местными каменщиками, и завершить постройку пришлось двум каменщикам, вызванным из Москвы, — Михаилу Ивлеву и Дмитрию Костоусову.

«Роспись полате», построенной в 1647 г., дает полное представление об этом первом в Архангельске каменном сооружении. Палата представляла собой здание 5×7 сажен с толщиной стен в полсажени и высотой их от земли до кровли сажен с аршином. На длинных сторонах постройки имелись окна с железными решетками и затворами. Перед окнами поставлен тын стоячий «для береженья», а в тыне сделаны решетки деревянные с железными запорами. Для обеспечения строительства кирпичом был построен кирпичный сарай 40×5 сажен, крытый тесом, обжигательная печь, а над печью другой сарай, также крытый тесом. Каменная постройка возводилась на фундаменте, укрепленном вбитыми деревянными сваями. Для предохранения «палатки» от затопления рядом с ней был вырыт водосборный колодезь («прямом, а в прямом пущен струб»), в который шла дренажная каменная труба.

Скромная по своим размерам постройка 1647 г. положила начало каменному строительству в Архангельске, разvernувшемуся в масштабах, еще не известных Русскому Северу. Безжалостный пожар 1667 г. уничтожил деревянную крепость, торговые помещения и посадские строения — «а в Архангельском городе и волею Божию ныне погорело...»¹². В порубежном городе необходимо было незамедлительно отстроить крепость и торговые помещения.

В том же 1667 г. был «учинен чертеж», «как у Архангельского города размер и основание торговых промыслов товарного склада, и Немецким приезжим дворам, также и городу и слободам стрелецким, и всех жилецких людей домом, чтоб со всяким добрым и пристойным устройением как городской крепости, так и гостинным и железким дворам от всякого противного припаду безопасно и осторожно устроенным быти»¹³.

Весной 1670 г. надлежало подрядить «у Архангельского города на острожное и на всякое строение» подрядчиков, но никто не подрядился, т. к. лес можно было доставить только по зимнему пути — «кроме зимнего пути лесу на Двине добыть не можно». Лес на постройку нового острога был доставлен лишь в 1671 г., а сам острог поставлен к январю 1672 г. Все деревянные постройки носили временный характер. Основной объем работ заключался в строительстве каменных гостиных дворов и каменного «города».

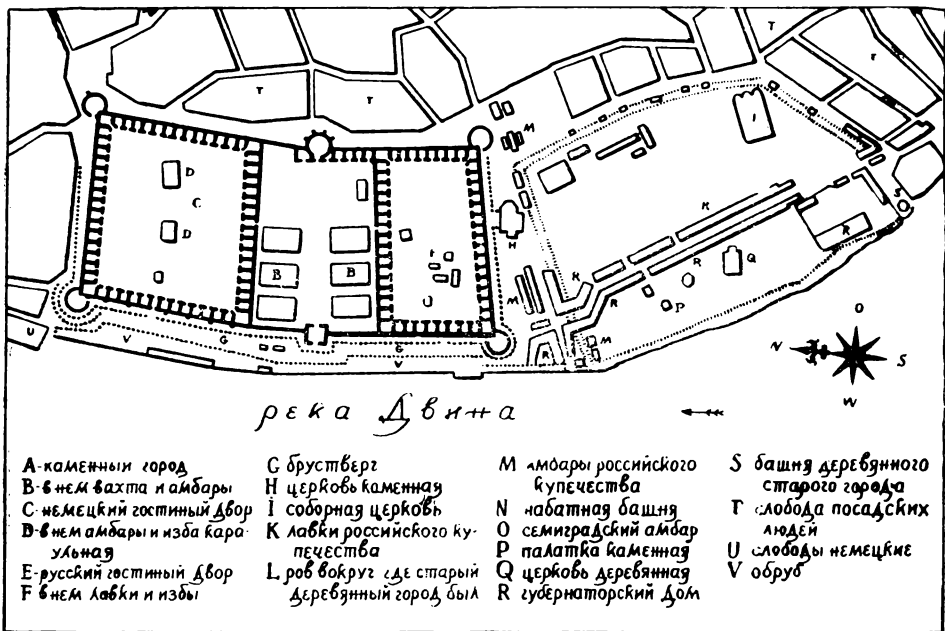
К сожалению, исходный чертеж, присланный из Москвы, не обнаружен, но по описям хода работ можно представить основные

его моменты. Каменные гостиные дворы представляли по плану вытянутый четырехугольник 200×90 сажен, фасадом обращенный в сторону Северной Двины. Сооружение имело трехчленное деление — Русский и Немецкий гостиные дворы (80×90 саженей) с северной и южной сторон, в центре площадь с таможенной, церковью и поварнями. Отдельно от комплекса гостиных дворов, недалеко от них, планировалось поставить каменный «город». Таким образом, чертеж 1667 г. сохранил планировку берегового пространства, существовавшую до пожара (новые гостиные дворы и «город» должны были стоять на старых местах).

Работы по строительству гостиных дворов начались зимой 1668 г. (В царских грамотах непрерывно указывалось на первоочередность сооружения именно гостиных дворов, а не города — «а наперед города велено строить гостиные дворы»). В 1670 г. в подмастерья каменного строения были направлены Алексей Марков и Михаил Мартынов, а в 1671 г. сюда был прислан Дмитрий Старцев.

Уже в ходе работ, в декабре 1671 г., подмастерье каменных дел Дмитрий Старцев отвез в Москву два чертежа — «что сделано» и чертеж с подписью воеводы Нестерова и дьяка Михайлова с предложением на гостиных дворах Русском и Немецком «...по стенам и по углам сделать семь башен, а сверх амбаров по стенам круг обеих гостиных дворов сделать бы зубцы... вместо города, а на старом бы городском месте каменного города вновь не делать...»¹⁴. Оба чертежа «писал иконник Ондрюшка Ондреев», за что и получил 24 алтына. Работы по чертежу, одобренному в Москве, начались в 1672 г. и продолжались до 1684 г.

Одной из причин, побудившей «совместить» строительство гостиных дворов и каменного «города», явились трудности, с которыми пришлось столкнуться в ходе работ, и в первую очередь недостаток каменщиков. Нехватка их на Двине ощущалась еще в 1647 г. Однако работы второй половины XVII в. не шли ни в какое сравнение с постройкой небольшой каменной палатки. По царскому указу в новом строительстве должны были принять участие присланные каменщики из Переславля Залесского, Ростова, Ярославля, Костромы, Вологды и Белоозера, но в 1670 г. на Двине «объявились» из 122 только 64 каменщика, а остальные от хлебной скудности все разбежались неведомо где, иныя померли».

План Архангельска XVIII в.

Несмотря на усилия центральной власти увеличить число приписных каменщиков, оно не поднялось выше 83. Нехватка в каменщиках заставила наиболее полно использовать рабочую силу в вотчинах северных монастырей. «А есть, государь, каменщики на Двине Сийского монастыря в вотчине, Евдокимко Ларионов с товарищи, десять человек и тех каменщиков без твоего государева указу мы к каменному делу взять не смеем», — писал царю двинский воевода. Удачно поданная мысль была подхвачена, и с мая 1671 г. на стройке работали 69 приписных каменщиков, 17 вотчинных каменщиков Сийского и Николо-Корельского монастырей, 11 каменщиков «вольного найма» из разных городов и 109 учеников «каменного дела». Были вызваны даже из «Кашина Калязина монастыря» 9 каменщиков, но на Двине они так и не «объявились». Все каменщики получали поденный корм, который не только в разные годы, но и в течение строительного сезона не был одинаков — от 6 до 10 денег «на день». Воеводские «рописи» всегда четко разграничивали группы рабочей силы — приписные,

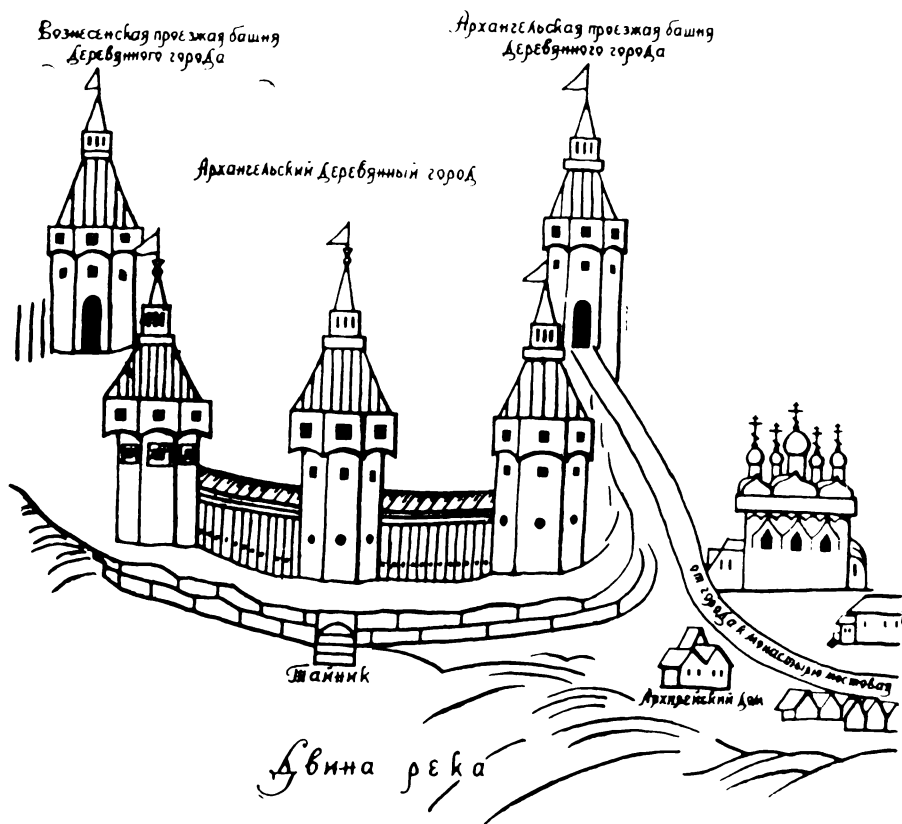
вотчинные, вольнонаемные, ученики. Все остальные категории строительных рабочих получали «за поденный найм» или работали по подрядам.

Наиболее многочисленной группой были выполняющие «всякую работу» поденные работные люди, на день число их достигало 200—400 человек. Они копали рвы, били сваи, подносили материалы, очищали территорию стройки. Работные люди получали по 6—8 денег «на день», подростки по 2—4 деньги. По поденному найму работали те артели плотников, которые находились у «кружального дела» (т. е. устанавливали леса). В 1673—1674 гг. этой работой занимались архангельские плотники и холмогорские стрельцы: Петрушка Бугаев «с товарищи», Андрюшка Трофимов «с товарищи», Оброска Аврамов «с товарищи».

Крупные подрядные работы выполнялись на Кузнечихе (сейчас входит в территорию Архангельска) «у кирпичного завода» и на Орлецах, где добывали строительный камень и жгли известь. Наконец район гостиных дворов превратился в грандиозную строительную площадку. Сюда были подвезены лес, тес, кирпич, камень; к площадке со стороны реки вели подъездные «мосты». Сложная система подрядов хорошо прослеживается на кирпичном производстве, где различные подрядчики возили к кирпичным сараям глину и песок, поставляли дрова для обжигательных печей, выделывали кирпич, отвозили его к месту строительства. В Орлецах, наряду с рабочими, нанятыми по подряду воеводой, взял подряд иноземец Кондратий Нордерман, в свою очередь нанимавший рабочих людей. Там, кроме жжения извести, ломали камень (бутовый) и тесали камень («тесанный стеной», «тесанный мостовой»).

Строительство потребовало огромного количества лесных материалов, поставку и обработку которых производили подрядчики. Исключительно по подряду работали кузнецы, в одиночку или артелями. В документах 1668—1673 гг. упоминаются некоторые артели кузнецов: Сенка Поздеев «с товарищи», Ивашка Востронов «с товарищи», Якушка Микулин и Алешка Верещагин «с товарищи», Лешка Кокорин «с товарищи» и др. Желание воеводы перевести архангельских и холмогорских кузнецов «на корм» не нашло у них сочувствия.

Во всех звеньях строительства, а также производства и доставки строительных материалов непосредственно на строительной площадке находились воеводские «дозорщики» и подьячие — 8—11 человек. Они наблюдали за качеством и объемом произведенных работ и выполненных подрядов.

Деревянный Архангельский город
(на изображении 1694 г.).

Большая часть работ, произведенных в Архангельском городе в XVII в., явилась, по существу, грандиозной системой подрядов, в которой в роли главного подрядчика от лица государства выступал представитель власти — двинский воевода. Если в предыдущих крупных строительствах Московского государства к наемной рабочей силе прибегали как к дополнительной, то документы строительства в Архангельске представляют собой беспрецедентный случай использования в XVII в. многочисленной армии вольнонаемных рабочих.

Начиная любое строительство, двинский воевода был вынуж-

ден отдавать приказы: «биричем велели кликать по многие дни, чтобы... охочие люди шли подряжатца повольною ценою...» Подрядчики могли отказаться от выполнения подряда, если он их не устраивал. Так случилось с подрядом «на острожный лес» в 1670 г., так отказались от подрядов холмогорские кузнецы, когда им предложили низкую цену за работу. Это было возможно лишь при тех социально-экономических условиях, которые сложились на Русском Севере, где не было крепостного права, жестких тисков феодально-помещичьей зависимости, в которых находился средне-русский крестьянин. В грандиозной архангельской стройке, кроме посадских людей стрельцов, принимали широкое участие «уездные двинские люди», т. е. крестьяне. Подряд мог быть взят не только на посаде, но и в деревне.

Обратимся к военному потенциалу Архангельска во второй половине XVII в. На высоком берегу Северной Двины строились деревянный острог и каменный «город» с гостиными дворами. В грамоте царю 5 января 1672 г. двинский воевода доносил, что сделано острожной стены 361 сажень, высотой 3 сажени, сделаны тарасы и обломы, намощены вдоль стен «мосты» (подвесная галерея с внутренней стороны стены для стрельцов) и «бойницы учинены». Были поставлены девять семистенных башен, две из них воротные.

В новом остроге должен был находиться воеводский двор, житницы. Перед укреплением ставили обруб (укрепляли берег рьяжками) — заготавливали бревна «на обрубное дело».

Таким образом, в начале 1672 г. в Архангельске снова начали возрождаться деревянно-земляные укрепления. Первоначально они мыслились как временные до постройки каменного городского укрепления. В ходе строительства, как уже отмечалось, под каменный «город» была отдана площадь между Русским и Немецким гостиными дворами, и Архангельск, таким образом, стал обладать двумя крепостями: деревянной и каменной.

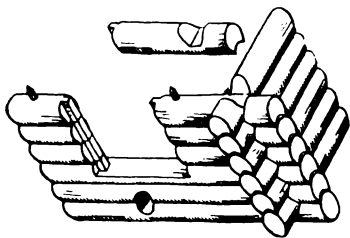
Цель возобновляемого деревянного укрепления состояла в том, чтобы «...от всякого противного припаду безопасно и осторожно устроенным быти». Идея безопасности северного торгового порта красной нитью проходит на протяжении всего XVII в. В обстановке постоянной опасности рождались весьма любопытные оборонительные проекты. В июне 1646 г. из Москвы на Двину поступил запрос, можно ли построить в Березовском устье Северной Двины каменные башни по берегам, чтобы запереть цепями этот судоходный рукав реки¹⁵. И велено было «сметать подлинно: сколько на те башни камни бутового и белого, и кирпичю и из-

вести, и на связи железа, и на сваи лесу, и на кровлю тех башен тесу, на чепи железа ж надобно?» Предполагаемый проект поражает своей грандиозностью.

Однако ответ «с Двины» отражал истинное положение дел; некому было даже составить смету, так как никто не знал, сколько надо строительных материалов: «...не ведают потому, что у Архангельского города и в Низовских волостях каменщииков и кузнецов больших нет, и каменного дела никто не делывал». Кроме того, из Поморья отвечали, что укрепить каменные башни на песчаных низменных берегах двинских проток против ледохода «не мочно». Так, проект, родившийся в недрах Посольского приказа, был там же и похоронен. Тем не менее сама идея о строительстве в двинских устьях целой системы оборонительных сооружений казалась многим не только реальным, но и крайне необходимым делом.

Многочисленные предложения, направленные на обеспечение «корабельной пристани» от внезапного вторжения вражеских военных кораблей, поступали из самого Архангельска. Одно из них было осуществлено. В 1674 г. в Двинском Березовском устье в трех местах были построены деревянные раскаты для артиллерии — «для корабельного приходу». В начале XVIII в. принимаются меры предосторожности для предотвращения внезапности нападения шведов — на Двинских устьях строятся батареи, фарватер одного из рукавов Северной Двины делается непроходимым для крупных морских судов.

Но вернемся к 1672 г. Со времени постройки на Пур-Наволоке первого дерево-земляного укрепления прошло без малого 100 лет. Новое укрепление, хотя и было построено на старом «городовом» месте, отличалось от старого. Это прежде всего острог, не дополнительная «крепость» к «городу», а самостоятельное ук-

Остатки деревянных сооружений XVII в. в котловане на углу ул. Поморской.

репление. На смену 7 башням были построены 11, в том числе две проезжие. Проезжие башни стали крупнее — по 9 саженей. Исчезли Покровские водяные ворота и башня на них. Три башни, входящие к Двине, стали глухими. Это отчетливо видно на чертеже Архангельска конца XVII в. (1694 г.). На чертеже, несмотря на его некоторую, идущую от иконописи условность, отлично видно и прежнее соотношение проезжих башен — друг против друга и старое название их: Архангельская и Воскресенская. Все башни на остроге шестиугольные с тремя ярусами боев — подошвенный, средний и верхний. Башни крыты тесом, имеют наверху смотровые вышки, заканчивающиеся «яблоками» и прапорцами (флажками). Острожная стена из вертикально стоящих бревен крыта тесовой кровлей. В нижней части стены изображены мелкие проемы — вероятно, бойницы подошвенного боя. Для стрелков верхнего боя с внутренней стороны стены были «мосты намощены». Воевода ничего не отписал царю о «крепостях» перед острогом, хотя упоминает о заготовке леса для «обрубного дела». Обруб должен был предохранить берег перед острогом от размыва и паводковых вод. Очевидно, перед острогом был ров, вырытый еще в XVI в. Остатки последнего дерево-земляного укрепления в Архангельске сохранились вплоть до XVIII в.

Имеется несколько планов Архангельска XVIII в., на которых можно отчетливо проследить следы дерево-земляных укреплений (1740¹⁶ и 1760 г.). Последний чертеж выполнен «кондуктором А. Тучковым» и хранится в Архангельском областном историческом архиве. Можно указать еще один план — 1768 г., который «с натуры поверял и сочинил инженер-квартирмейстер Александр Вахтин».

Некоторые данные о вооружении нового Архангельского острога (1672 г.) дает «Двинской Росписной список 1683 г.», составленный при передаче воеводства боярином и князем Никитой Семеновичем Урусовым боярину и князю Никите Константиновичу Стрешневу¹⁷. Наиболее оснащенными были воротные башни, имеющие «наряд» в нижнем (подошвенном) и средних боях: Архангельская — 4 ствола, Воскресенская — 3. Всего росписной список перечисляет 12 орудийных стволов. Значительное уменьшение пушечного вооружения Архангельской деревянной крепости по сравнению с 1622—1624 гг. связано было, по всей вероятности, с гибелью прежних орудий во время последнего пожара, а также в связи с перемещением тяжелого оружия в период осады Соловецкого монастыря.

Наряду с дерево-земляными укреплениями, в Архангельске

в XVII в., как уже отмечалось, шло строительство «каменного города» как составной части гостиных дворов. По своей планировке каменный комплекс Архангельских гостиных дворов и «города» является примером широко распространенной в XVI—XVII вв. так называемой «регулярной» застройки—вытянутый прямоугольник (правда, немного искажен в ходе строительства), со всех сторон изнутри ограниченный складскими помещениями, составляющими по существу нижнюю часть ограды.

Использование принципа «регулярности» не лишает оригинальности архангельское сооружение. Совмещение гостиного двора и крепости, придание по существу функций «города» гостиным дворам (они имеют 4 башни из 6) является новым взглядом и новой разработкой каменной крепостной архитектуры средневековой Руси.

Собственно, каменный «город» имел лишь две башни — проезжие, одна от Двины, другая «с моховой стороны». «А мерою город Архангельский будет меж стенами Русского и Немецкого двора по стене от Двины реки 60 сажень, а от болота по стене 48 сажень».

Стены в прямом смысле слова «город» имел лишь с переднего фасада, выходящего на Двину, и небольшой участок стены с Моховой стороны. На двинском фасаде стена была от Немецкого двора до проезжей городской башни 26 сажень, «сделана тесаным камнем и кирпичом 2 сажени без четверти, семь падин на той стене перемкнуты и боевые окна в падинах сделаны, а толщиной та городская стена по верху и с падинами 2 сажени без шти вершков, а кроме падин в боевых окнах толщиной в полторы сажени безо шти вершков». Протяженность стены от проезжей башни до начала Русского гостиного двора была несколько меньше (около 21 сажени), но она имела также семь «падин» с боевыми окнами. Стена от Проезжей башни с «моховой стороны» до начала Немецкого гостиного двора протяженностью около 20 сажень имела пять «падин» с боевыми окнами. Все упомянутые «падины» на стенах «города» находились в нижнем ярусе огня, т. е. были бойницами подошвенного боя. Верхние бои на стенах «города» были сделаны в зубцах стены и представляли собой узкие вытянутые бойницы. Нельзя не отметить существенную деталь, которая отчетливо прослеживается на всех планах гостиных дворов — сильный вынос угловых башен, что давало возможность усилить по противнику огонь с флангов.

Вход в Немецкий и Русский гостиные дворы, на углах которых стояли 4 башни, был сделан снаружи, но не во фронтальной стене,

а сбоку. Так обычно строили проезжие ворота в угловых башнях каменных крепостей. Все башни имели различное количество ярусов огневого боя. Ярусы, или «мосты», делали обычным путем: внутри башни ставили кирпичный столб, на который клали кладки, а на них уже мостили бревенные мосты.

Архангельский «город» возник на карте XVI в. в первую очередь как новый укрепленный пункт, как государева крепость на беспокойных северных рубежах Московской Руси. Имелась и другая сторона — дипломатическая. «Политес» состоял в том, что первое впечатление о Русском государстве, о власти и могуществе Московского царя иноземные купцы получали здесь, на берегах Двины, и, возвращаясь на родину, распространяли его в Западной Европе.

«ГОРОД НА ХОЛМОГОРАХ»

О сенью 1613 г. над холмогорскими посадами нависла угроза — рыскавшие в Поморье остатки разбитого войска польско-литовских интервентов и шайки русских «воров» продвигались на Север, предвидя легкую и богатую добычу. Первые неудачи под Емецким острогом не обескуражили их. Уверенные в том, что «на Холмогорах три посада, а крепостей нет», они устремились к богатейшему двинскому поселению. Сведения о незащищенности Холмогор «воры» получили от местного населения, и сведения эти до определенного момента полностью отвечали действительности, так как первое холмогорское укрепление (даже не совсем оконченное) было возведено почти перед самым приходом непрошенных гостей. Укрепление это представляло собой острог, «стоячий в один тын с башнями к Двине реке, с тайником, а на остроге церковь Рождества Христова, да осадные дворы посадских и уездных и монастырских людей»¹⁸.

Из Архангельского города в новый острог были подвезены пушки и порох. Острог, конечно, не мог защитить посады от пожара и разоренья, но жители могли укрыться за его стенами. Не отличалась значительной силой и огневая мощь укрепления: «...людей в нем служилых с огненным боем всего 50 человек, а

иных нет». Однако «ворам» под стенами Холмогорского острога пришлось вновь столкнуться с тем, что они уже хорошо знали и испытали на себе, — со смелостью и стойкостью северян, активностью в обороне.

Первая вылазка холмогорских стрельцов и «охотников» закончилась тем, что штурмующие потеряли важную возможность скрытно подтянуть силы к острогу и укрепиться на подступах к нему (стрельцы подожгли близлежащие посадские постройки и церковь Зосимы и Савватия, чтоб «ворам» близ острога «не застеть»).

Казаки осадили острог с двух сторон — со стороны Глинского посада и со стороны Падракурья и стали готовиться к решающему штурму наугольной башни «с возами соломенными и смоляными».

Очередная вылазка защитников лишила осаждающих подготовленных к штурму зажигательных снарядов. Разногласия в стане неприятеля и, вероятно, неуверенность в результатах предстоящих штурмов заставили его отказаться от дальнейшей осады острога и уйти.

Более сильным врагом оказалась Северная Двина, которая подмыла берег и разрушила острог. События показали, что оставлять крупнейший двинский посад без достаточно сильной крепости опасно. Поэтому по государеву указу на Холмогорах «в Качкове острог поставили на новом месте для того, что прежний острог, который был в нижней половине, от Двины реки стены и башни подмыло и льдом сломило».

Описание нового холмогорского острога, поставленного при воеводе Дмитрии Петровиче Пожарском-Лопате между Курцевским и Глинским посадами (точнее, на Курцевском посаде), не было опубликовано, и поэтому характер этого холмогорского укрепления не был известен. Правда, в свое время «Архангельские губернские ведомости» отмечали, что острог, построенный в 1621 г., имел четверо ворот — Северные, Спаские (южные), Алексеевские (восточные) и Западные¹⁹. Сейчас представилась возможность дать более полную и точную характеристику военно-оборонительного сооружения, положившего начало постоянной крепости «на Холмогорах».

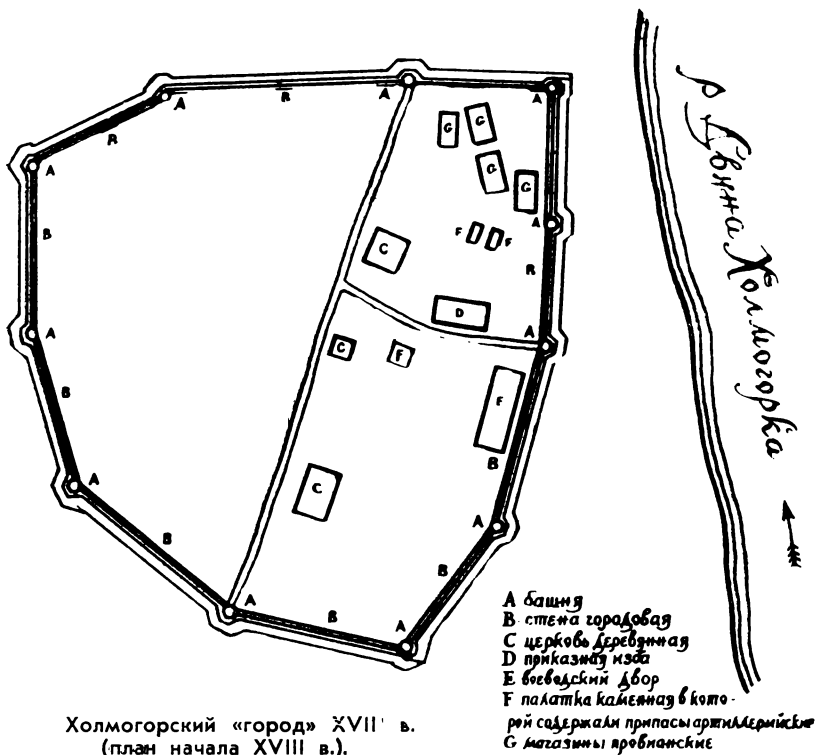
Описание нового холмогорского острога полностью приводится в писцовой книге Мирона Вельяминова и его помощников 1622—1624 гг., т. е. вскоре после завершения строительства. Точная дата постройки холмогорского острога не 1621, а 1623 г.: «На Курцове на посаде острог, а поставлен тот острог в один тын во

1623 году Спаса с Курцова на земле деревни дьячей Качкова тож да деревни Фадеевской»²⁰. Острог имел 11 башен: 4 четверугольных и 7 шестиугольных, двое ворот — под Спасской шестиугольной башней и водяные, ведущие в крепость. Остальные девять башен были глухими. Территория укрепления была довольно значительной — стена с башнями имела протяженность 962 сажени с полусаженью, это в два с лишним раза больше Архангельского деревянного «города» (417 сажень). Все угловые («наугольные») башни имели два этажа «мостов» и соответственно три яруса «боя»: подошвенный, средний и верхний. Кроме того, четвероугольные башни с напольной стороны имели также три яруса «боев». В стене были бойницы нижнего боя и с висячих галерей — с «мостов» через бойницы верхнего боя защитники могли простреливать близлежащую местность.

Следует признать, что пушечный «наряд» не соответствовал масштабам укрепления — он невелик, всего 19 стволов. Это можно объяснить лишь тем, что крепость была только что построена и вооружение ее не было доведено до конца. Кстати, на это обстоятельство наталкивает и мизерный запас «зелья», хранящегося в казенном «анбаре» — 44 пуда 9 гривенок. Появление крепости на Холмогорах, в постоянной резиденции двинского воеводы, свидетельствует о той роли, которую играли холмогорские посады в политической и экономической жизни Русского Севера.

В самом конце XVII в. холмогорские укрепления были, по существу, перестроены заново. По крайней мере, это можно заключить из грамоты Афанасия в Архангельский монастырь, сообщавшей, что по царскому указу 1691 г. надлежит холмогорский город «построить вновь», для чего необходимо выбрать «человека доброго и строениям грацким и хоромным ведущаго». Эта грамота открывает переписку холмогорского владыки со своими подчиненными, которая является интереснейшим источником как для изучения постройки холмогорского укрепления, так и для истории организации строительства на Севере вообще.

В грамоте от 27 января 1692 г. архиепископа Афанасия игумену Антониево-Сийского монастыря Варфоломею указывается обеспечить выбор и присылку специалистов из монастырских вотчин в связи с необходимостью ремонта холмогорской крепости: «По именному великих государей указу... велено на Холмогорах древяной город осмотря, буде ветох, строить против прежнего двиняны посацкими людьми и уездными волостными монастырскими против иных город... А по досмотру двинских земских старост Ивана Бусинова с товарищи той холмогорской город ветох весь и

Холмогорский «город» XVII в.
(план начала XVIII в.).

башни и стены многие огнили, а иные в ветхости пошатились. И от Архангельских проезжих ворот до Глухой башни городовую стену бурею поломало. А мерою вокруг того города и з башнями восемь сот двадцать две сажени»²¹.

Строительные работы осложнялись тем, что предварительно следовало разобрать пришедшие в негодность участки стен, а потом уже возводить новые: «за теми монастырскими Сийскими и иных двинских монастырей плотниками городова стена, которая досталась на вашу монастырскую долю разобрать и построить, и та стена стоит неразобрана»,—подгоняла сийскую братию грамота от 3 апреля 1692 г.

Приведенные нами документы раскрывают практику государственного строительства, когда, наряду с «мирскими людьми» в затратах участвуют и двинские монастыри.

Особенно важен тот факт, что строительство явилось, по существу, восстановлением прежнего «города», т. е. по старому плану «города», имевшего длину стен и башен 822 сажени (почти на 140 сажен меньше острога 1623 г.).

В 1693 г. прибывающего в Холмогоры Петра I встречали два полка, стоявшие «полным строем» по площади от Богоявленских ворот до пристани государевой, на обруб было выкачено 13 пущек.

Трудно восстановить название башен и число городских ворот. На планах «уездного города Холмогор» даже XIX в. отчетливо прослеживается расположение валов и рвов «города». Побывавший в Холмогорах во второй половине XIX в. А. Г. Тышинский не только указал на следы оставшихся укреплений, но и сделал попытку научной графической реконструкции средневекового укрепления. Для понимания планировки Холмогорского «города» конца XVII в. большое значение имеют два плана, по видимому, начала XVIII в., хранящиеся в фондах Центрального Государственного Военно-исторического Архива²². Планы эти полностью совпадают и отличаются только масштабом. Они озаглавлены «Чертежи города Холмогор, деревянной рубленой в две стены да 11 башен деревянных стоит близ Двины реки на обрубе». План зафиксировал остатки «города», который почти заново ставился земскими и монастырскими плотниками в 1692 г.

Последний «Холмогорский город» в плане представлял собой многоугольник — явление довольно распространенное в практике оборонного зодчества Руси XVII в. Есть все данные предполагать, что он в основных чертах сохранил планировку острога 1623 г. «Лицо» острога, его главный фасад выходил на Северную Двину, поэтому именно на этом участке было сосредоточено большое число башен — 5 из 11. В этой же части «города» находились и трое городских ворот. Напольные стороны «города» защищали башни, расположение которых позволяло обороняющимся организовать в случае необходимости перекрестный огонь с флангов. По всему периметру «города», за исключением стороны, обращенной к Двине, перед городовыми стенами проходил ров. Вероятно, имелись и другие укрепления — частички, надолбы. Остатки рва и вала «города» конца XVII в. сохранились до наших дней.

С осени 1613 г. холмогорцам ни разу не пришлось отражать нападения неприятеля. Создание и вооружение довольно мощного укрепления на Холмогорах явилось заботой правительства о необходимости иметь в низовьях Двины вторую линию обороны на

случай высадки у Архангельского города неприятельского десанта и перенесения военных действий на сушу. Именно этим можно объяснить, что в 1701 г. в царском указе Двинскому воеводе Алексею Прозоровскому и архиепископу Афанасию наказывалось «города Архангельской и на Холмогорах крепить и жить в великом опасе от шведов», однако наряду с этим, приказывалось всех служилых людей отправить к Архангельску.

Это подтверждается и другими документами. Так, «Росписной список двинской стольника и воеводы Василия Ржевского» от 2 февраля 1702 г. сообщает, что наряд Холмогорского «города» состоял из 9 пушек (3 медных и 6 железных) и 2 пушек железных скорострельных: «из вышеописанного числа сведено с Холмогор к Архангельскому городу медных и железных 7 пушек и с ядрами, а остальные 2 пушки железные, да 2 скорострельные, да 170 ядер оставлены на Холмогорах»²³. Таким образом, в начале XVIII в. в Холмогорах осталось лишь 4 пушки.

Наконец, печальный урок начала XVII в. наглядно продемонстрировал, как опасно оставлять крупнейшие северные посады без крепостей, которые могли бы укрыть местное население от истребления и отразить неприятеля.

Как и другие северные укрепления, Холмогорский «город» располагался на посаде и занимал незначительную площадь последнего. Сам посад не имел никаких дополнительных оборонительных линий.

Впоследствии, в связи с завершением строительства Новодвинской крепости и успехами русского оружия над шведами в Северной войне, «город на Холмогорах» окончательно потерял свое военное значение.

ПУСТОЗЕРСК И ПУСТОЗЕРСКИЕ «АПОСТОЛЫ»

В октябре 1690 г. караван, состоящий из повозок и рыдванов, сопровождаемый стрельцами, медленно тянулся по осеннему бездорожью на север. По «именному указу» великих государей Иоанна и Петра Алексеевичей в сылку ехали князь Голицыны. Цари «указали у князь Василия и сына его князь Алексея Голицыных честь и боярство отнять». В вину

Голицыну было поставлено «доброхотство» царевне Софье, неудачи крымского похода, в результате которого он «казне учинил великие убытки, а государству разоренье и людям великую тягость»²⁴. Указ был написан 9 сентября 1610 г. и предписывал князя Василия и князя Алексея сослать в ссылку в Каргополь с женами и детьми под охраной стольника Федора Бредихина и двадцати московских стрельцов.

Голицыны находились еще под Москвой, в Троице-Сергиевом монастыре, а 15 сентября 1690 г. пишется новый царский указ — стольнику Павлу Скрыбину надлежало принять ссыльных и везти их из Каргополя в Пустозеро.

Пока гонды развозили царские грамоты, караван с князьями продолжал свой путь. Не доезжая Тотьмы, повозки «с княжнами, и с детми и с жонками в воду все обломилась» — не выдержал первый тонкий ледок. Утопающих удалось спасти с большим трудом, но потом они «... лежали в беспамятстве много время». В Тотьме пришлось задержаться — жена Алексея Голицына княжна Марья родила двух дочерей. Только 16 января 1691 г. караван достиг Яренского городка. Летом, получив струги, кормщиков и гребцов, Голицыны прибыли в Холмогоры, а 23 июня в Архангельский город. Начинаясь самый опасный и трудный отрезок пути по морю от Архангельска до Пустозерского острога. 1 июля 1691 г. три лодьи вышли с Архангельского рейда. Шторм встретил легкие суденышки в самом устье Двины. Надвигались туманы... Погода на взморье была такова, что все не только монастырские и торговые лодьи, карбасы, но и иноземные корабли были вынуждены прервать плавание и укрываться от ветра. В челобитной в Москву Василий Голицын подробно описал все перипетии этого переезда: «...а за Мегрою рознесло нас холопей ваших врознь со стольником в розные места... И било нас у Моржевского острову и лодью на песок кинуло и роздробило... и наслуу достигли реки Семжи, близ устья Мезенскова...»

Голицыны оставались «на Кевроли и на Мезени», ожидая своей участи. 21 апреля 1714 г. архангельский вице-губернатор Алексей Курбатов доносил царю о смерти в Двинском уезде в Волокопенежской волости князя Василия. В последующее время вдова и сын Голицына были возвращены из ссылки.

Среди «студеных» просторов болотистой безлесной тундры, вблизи Шарозера в течение нескольких столетий стоял деревянный острожек. История Пустозерского (в древности Пустоозерского) укрепления не изобиловала крупными военными событиями. Под его стенами ни разу не разыгрывались крупные военные баталии,

история острога не знала драматических сцен осады и штурма, но этот центр русского средневековья заслуживает пристального внимания, ибо в истории русского государства занимает свое, особое место.

После разгрома новгородцев в конце XV в. великий князь Московский стал полновластным хозяином огромной и богатой территории севера. Но земли на крайнем северо-востоке были еще не освоены.

На рубеже XV—XVI вв. из Двинской земли на северо-восток ушла в поход московская рать. «Летописец, содержащий в себе Российскую историю», так описывает это событие: в 1499 г. великий князь «... посла рать в Югру лыжную, Устюжан до Вычагжан, Вымич, Сысолян, Двинян, Пинежан, а воеводы были с ними князь Семен Федорович Курбский, да князь Петр Ушатой, да Василей Бражник Иванов сын Гаврилова. Они же ходивше на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую землю всю вывоевали и в полон вели»²⁵. Поход 1499—1501 гг. явился первым крупным военным и экономическим мероприятием московского князя, проведенным им в северо-восточных областях русского государства. Именно в результате этого похода на северо-восток на рубеже XV—XVI вв. и возникает Пустозерский острог.

Первую перепись — «письмо» Пустозерска сделали лишь в 1563—1564 гг. Яким Романов и Никита Пятунин, а в 1574—1575 гг. «дозор» производили писец Василий Третьяков-Дементьев сын Агалин и подьячий Степан Федоров сын Соболев, после чего Пустозерская волость вплоть до 1678—1679 гг. не подвергалась ни «письму», ни «дозору» (в этих годах волость переписывалась под руководством стольника и воеводы Гаврила Тухачевского). Книга «дозора» Агалина хранилась в Пустозерской приказной избе до конца XVII в., в 1670 г. она упоминается в списке «архивных дел», принятых воеводой Григорием Нееловым. Книга этого «дозора» не дождалась наших дней, но именно в ней содержались ценные сведения о Пустозерске второй половины XVI в. В 1669 г. пустозерский воевода Иван Неелов сообщал царю о том, что у него есть книга «письма Василия Огалина да подьячего Степана Федорова 82-го года ветха, а в ней написано волость Пустозерская да Усцелемская слободка, а острогу и тюрьмы в Пустозерске не было...», т. е. данные последнего в XVI в. «дозора» (1574—1575 гг.) в Пустозерске острога не зафиксировали. Из переписки того же воеводы с царем становится известной точная дата возобновления Пустозерского острога — 1665 г.²⁶

Существование укреплений в Пустозерском остроге можно свя-

зывать с теми событиями, которые происходили на севере в это время. Иноземные купцы настойчиво желали избавиться от русского посредничества в торговле с северо-восточными районами европейского Севера и Сибирью, установить непосредственные контакты с промысловыми районами.

На протяжении XVII в. при смене пустозерских воевод давался царский «наказ». Новый воевода, вступающий в должность, обязан был у прежнего «взяти острог и острожные ключи, и наряд и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы», принять документы, хранящиеся в Приказной избе. Особо подчеркивалось жить в мире с «окологородной самоедью» — «держать ласка и береженье, и государеву дань велети с них имати данщикам прямую, а неправд бы им некоторых чинить не велеть». Эта заинтересованность в мирных отношениях с местным населением объясняется главным образом получением регулярной дани «мяхой рухлядью».

Основная часть царского наказа посвящена той роли Пустозерского острога, которую он должен играть как военный, сторожевой и экономический форпост русского государства: «...кораблям никаким приставать и торговать не давать, и мимо Пустозерской острог на кораблях никаких людей к Сибирской стороне отнюдь никакими мерами не пропускать ...к Пустозерскому острогу приставать ничего для и отошли бы они назад». Под «никакими» торговцами царский наказ имеет в виду иноземных купцов — «а в Пустозерском остроге торговать им не с кем, место пустое, поставленное для опочиву Московского государства торговых людей, которые ходят из Московского государства в Сибирь торгуют...»²⁷.

Одна из задач Пустозерского острога состояла в том, чтобы противостоять волнениям «немирной самоеди», которая ставила под угрозу бесперебойное поступление даннического «мягкого золота». Так, в 1669 г. с Холмогор в Пустозерский острог по указу царя были посланы «500 стрелцов со всем строем, для приходу войною Карачевской самоеди и остяков на Пустозерский острог», а пока стрельцы не прибыли, воевода должен был «от воровской самоеди жить бережно, ...чтоб их до Пустозерского острогу не допустить».

Вряд ли в это время Пустозерская крепость была готова к сколько-нибудь существенным военно-оборонительным мероприятиям. Состояние военного снаряжения ее хорошо охарактеризовано по документу 1670 г. По «росписному списку» Пустозерского острога при передаче его воеводой Иваном Савиновичем Нееловым

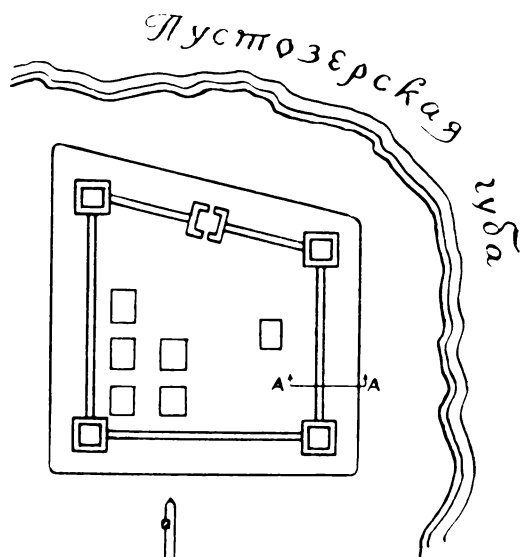
воеводе Григорию Михайловичу Неелову новый воевода получил: «...государев острог и острожные ключи. А в остроге в анбаре 20 государевых пищалей ручных з жагры (ручки) перепорчены и перержавели, к стрельбе не годны, да пищаль з замком, да в осыпном земляном погребе государевы зелейные казны 805 пуд с полупудом пороху, 61 пуд свинцу»²⁸. В 1680 г. воевода Андреян Хоненев отписывал царю о ветхости в Пустозерском остроге житниц, зелейного погреба и тюрьмы.

Как видно из «росписного списка», Пустозерский острог никогда не был вооружен пушечным «нарядом», а располагал только ручными огневым боем — ручными пищалами, которые к этому времени не были годны к стрельбе. Какое-то военное значение острог несомненно продолжал играть и в XVIII в. Так, в 1731 г. «самоеды» с целью «грабежа» с ружьями, пиками и стрелками направились с р. Оби на Печору, в Пустозерский острог.

Остатки пустозерских укреплений, относящихся, по всей видимости, к XVIII в., довольно хорошо просматривались еще во второй половине XIX в. в 2 верстах от с. Пустозерского, вблизи Шароозера и протоки Гнилки на невысоком мысу. С северной и восточной сторон сохранились рвы и валы. По этим данным трудно, однако, представить характер сохранившихся укреплений. Графических материалов по пустозерским укреплениям сохранилось немного: это план Пустозерского острога XVII в., опубликованный Ф. Ласковским, и план, снятый иностранцем Витсенем (XVI в.)²⁹.

В плане острог — почти четырехугольник (северная сторона была немного скошена). По углам ограды стояли четырехугольные башни, пятая четырехугольная башня находилась на северной стороне, обращенной к Пустозерской губе, и была проезжей (остальные глухими). Ограда острога, по подсчету Ф. Ласковского, не превышающая 82 сажени, представляла собой стоячий тын, заостренный в верхней части, так называемый тын «на иглах». Под стенами острога был выкопан ров, окружающий укрепление со всех сторон. Ни система укреплений Пустозерска, ни его вооружение не позволяют считать его способным выдержать сколько-нибудь серьезную осаду. Существование укреплений в нем носило в определенном смысле политическое значение — единственная «государева крепость» на крайнем северо-востоке Руси.

Ценным документом по истории Пустозерска второй половины XVI в. является «платежница» с недошедшего до нас «дозора» 1574—1575 гг.³⁰ По этому документу Пустозерск имел 3 церкви «с трапезами» и «на погосте келья» и 9 человек церковных чи-

План Пустозерского
острога.

РАЗРЕЗ РВА И ОСТРОЖНОЙ СТЕНЫ (по А-А)

нов. Всего в Пустозерске было 144 двора с 282 жителями, из них 92 двора со 193 жителями — «дворы оброчные» и 52 двора с 89 жителями — дворы «тяглые беспашные». «Платежница» указывает на некоторый рост Пустозерска по сравнению с переписью 1563—1564 гг.: прибыло 47 дворов с жителями. Однако прибывшие не имели своих промыслов: «а промыслу у них в угодьях нет никоторых, кормятся о старых жильцах, наймутся у них по их промыслом», т. е. по существу являются наемной рабочей силой — наймитами.

«Платежница» является ценным документом еще и потому, что дает данные об этническом составе Пустозерска. Среди населения можно отметить выходцев с юга — «новокрещен ногайской Михалко Тулунтаев», «Перша Казибердеев новокрещен ногайской» и др., выходцев с Двины, Кулоя, Вологды, пермяков. С «окологородней самоеди» собиралось по «пяти сороков соболей в год». Основу хозяйства населения составляли промыслы. В Пустозерье на промысел приходили и из других районов Севера: «Да в Пусто-

зерский же уезд на морские острова приходят двиняне, устяжане и пинежане да на море промышляют, бьют зверь моржа, а царю к великому князю в казну дают с того своего промыслу десятую кость, зуб лутчей...».

В челобитной 1667 г. пустозерские крестьяне так описывают свое бедственное положение: «... а мы бедные людишки бедны и безхлебные и безоленные, что было оленишок остальных от прежних самоедцких грабежов и тех достальных всех самоедь отгонила... дле рыбных и белужьих промыслишков не ходим на море и судов у нас морских лодей и кочей нет, что делать не умеем и не из чего, лесу нет...»³¹. Вполне естественно, что ремесло в Пустозерске было очень слабо развито и удовлетворяло лишь самые минимальные бытовые и хозяйственные нужды населения. Та же «платежница» перечисляет некоторых ремесленников: Гриша Михайлов, Игнаш Левонтьев — скорняки, связаны с обработкой сырья с пушного промысла, Пашко Иванов — кузнец, Оверкейко — плотник и Чаша — сапожник. Существовал в Пустозерске и кабак. Так, за 1614 г. положено было собрать «кабатцкие прибыли... 77 рублей 23 алтына с полуденгою». Представление о Пустозерске будет не полным, если не упомянуть о том, что со второй половины XVII в. он превращается в место ссылки.

За тысячи верст от Пустозерска, в далекой Москве в августе 1667 г. решалась судьба зачинателей русского раскола: «...бывших протопопов муромского Аввакума, симбирского Никифора, буде они в раскольных церковных винах своих... прощения и благословения просить не учнут... и распопу Лазаря и Елифанца ..., отрезав у них по языку, послать их всех с Москвы в Пустоозеро»³². 21 августа, после казни «все четверо вкупе» были сосланы в Пустозерский острог, куда и прибыли глубокой зимой 12 декабря 1667 г. Казнили «на Москве» не всех четверых, а только двух. Аввакум в своем «Житие» так описывает эти события: «...также братию Лазаря и старца казня, вырезав языки, а меня и Никифора протопопа не казня сослали в Пустоозерье».

Опасность ссыльных подчеркивалась и режимом их содержания: для них велено было «зделать тюрьму крепкую», с полной изоляцией от внешнего мира и запрещением общаться между собой. Тюрьму надлежало «огородить тыном вострым в длину и поперег по десяти сажен, а в тыну поставить 4 избы колодником сидеть, и меж тех изб перегородить тыном же». До постройки подобной тюрьмы воевода был вынужден поместить колодников в избы пустозерских крестьян, предварительно выселив их, так что ссыльные сидели «по одному человеку в избе, за караулом».

Сам Аввакум так описывал свое пребывание в пустозерской темнице: «...запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо возможно, едина скважня, сиречь окошко... А на полу том воды по колено, все беда. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест з гоитаном: нельзя мне в грязи той сидя носить одежды. Я уж не жалея, когда ел, когда не ел, — не спрашиваю и не тужу о том многожды. Иногда семь дней, иногда десять, а иногда и сорок не ел»³³. Строгая изоляция узников была вызвана опасениями воздействия их на местное население. Не следует забывать, что пребывание «борцов за старую веру» в Пустозерье падает на годы возмущения соловецких монахов (так называемое «соловецкое сидение»). Поддержка и помощь соловецким «сидельцам» со стороны местного населения Севера придали всему движению определенный социальный оттенок. В 1669 г. к пустозерским узникам снова обращаются с требованием «покаяться». Убедившись в том, что сломить упорство ревнителей старой веры не удалось и на сей раз, им снова «учинили казнь» — Аввакума посадили в земляную тюрьму, а «прочим товарищем» приказали «резать без милости языки и сечь руки».

Новую попытку склонить раскольников к покаянию можно рассматривать как определенный идеологический маневр правительства в условиях безуспешной осады взбунтовавшегося Соловецкого монастыря.

Однако никакие запреты не смогли оборвать нитей, связывающих «колодников» с их единомышленниками на свободе. В одном из посланий к боярыне Морозовой Аввакум писал, как они с Епифанием сделали потайной ящичек в топорщице стрелецкого бердыша. Страстные послания Аввакума продолжали гулять по Руси, из пустозерских страшных «осыпных изб» были написаны и переправлены «верным людям» десятки разнообразных сочинений.

Приближались последние дни узников. В 1682 г. в Пустозерский острог прибыл капитан стрелецкого стремянного полка Иван Лещуков. Проведенный Лещуковым «сыск» показал, что, несмотря на строжайшие запреты, Аввакум имел при себе книги, рукописи и даже рисунки. После сыска он вместе с «злоименитыми клеветы» (имеются в виду сподвижники неистового протопопа — распопа Лазарь, раздиакон Федор и бывший старец Соловецкого монастыря Епифаний) был в «струбе сожжен». Во время казни погибли и непереправленные «верным людям» рукописи одного из самых ярких оппозиционеров-публицистов XVII в.

Аввакум Петров, сын деревенского священника, родился в 1621 г. В 40-х годах XVII в. он примкнул к кружку так называе-

мых «ревнителей благочестия», куда входил и Никон, будущий патриарх «всея Руси». Кружок пользовался покровительством царя Алексея Михайловича, надеявшегося найти в нем поддержку церковным реформам, направленным на укрепление царской власти и международного положения Русского государства. Однако пути бывших единомышленников круто разошлись. Став патриархом, Никон употребил немало усилий для укрепления церковной власти, за что и был отстранен от патриаршества, а в 1666—1667 гг. пострижен в монахи. Наиболее оппозиционно как к светской, так и церковной власти выступил Аввакум. Поразительна была стойкость и прямота этого человека: свои суждения он одинаково резко мог высказать воеводе, патриарху и царю. Из-под спуда религиозных и мистических наслоений у Аввакума бил чистый родник любви к простому народу, который «мается шесть-тудней на трудах». Нет сомнений в том, что именно страстность в обличении господствующих классов, идея о равном праве всех людей на блага жизни снискали популярность его противоречивому «учению».

Более 80 произведений принадлежат перу этого публициста. Ссылки не сломили Аввакума, который накануне смерти писал: «Да ведомо будет всем верным человеком повсюду правда и неправда».

Однако Аввакум и его единомышленники были не единственными узниками Пустозерска. В документе 1670 г. перечислены как «ссылные», вероятно, имевшие ряд послаблений, так и тюремные узники: «Да ссылные люди: пименский Сужонников с сыном Стенькою, нищий Юшко Федоров, распопы Лазаря жена Доминика, да человек их Стенька, Благовещенский бывший сторож Андрюшка Самойлов; в тюрьме: Киприян Нагой, да в особой тюрьме в розных осыпных избах ссылные люди, бывший протопоп Аввакум, распопа Лазарь, раздьякон Федька, бывший старец Елифаний за караулом сотника Московского Лариона Ярцева и московских стрельцов десятника Сеньки Тимофеева с товарищем».

Не миновали Пустозерской ссылки и некоторые высокопоставленные лица. После смерти царя Алексея Михайловича в Пустозерск в 1676 г. был сослан любимец царя боярин Артамон Матвеев, переведенный в 1680 г. в Мезень.

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ ОНЕГА

рудно ответить на вопрос, когда возник Каргопольский посад. Однако о его древности говорит уже тот факт, что он был известен как место ссылки замечательного русского публициста XII или XIII в. Даниила Заточника, написавшего свое знаменитое «Слово». Ссылки на упоминание в Сказаниях о Мамаевом побоище князя Глеба Каргопольского являются не более как ошибкой. Как справедливо полагают ученые, в древние рукописи Сказания вкралась описка, так как существовал лишь князь Глеб Карголомский и Ярославский.

В XVI в. Каргопольский посад был уже довольно значительным. Побывавший на Севере, вероятно, в 1564—1576 гг. царский опричник фон-Штаден был поражен размерами посада и назвал его «городом на перевале». До осени 1612 г. Каргополь не имел военных укреплений, поэтому фон-Штаден подчеркивал «незащищенность» поселения. Каргопольцы, так же как и онежане, мехрежане, устьмошане, ездили за солью к поморским варницам и продавали ее затем в Каргополе вологжанам и белозерцам. Каргополь действительно стоял «на перевале» — здесь поморскую соль взвешивали на весах, грузили на суда и она шла дальше на юг. Уже в XVI в. в Каргополе и Турчасове в значительном объеме применялась наемная рабочая сила — «казачи», которые находились под контролем местных таможенников. Развивались и ремесла, главным образом, железоделательное, связанные с потребностями речного судоходства. Даже неполная «сотная» с писцовых книг по Каргополю XVI в. насчитывает 476 тяглых дворов, в которых жило 523 человека.

Во второй половине XVII в. (1663 г.) в Каргополе выполнялся большой царский заказ по поковке кос и топоров. К выполнению заказа были привлечены не только каргопольские посадские кузнецы, но и кузнецы турчасовские и монастырские. Каргопольских «работных людей» во второй половине XVII в. часто посылали в Москву³⁴. Весной 1666 г., согласно царской грамоте, каргопольский воевода Иван Едокуров должен был «выбрать из каргопольцев работных 700 человек мужиков добрых» и прислать Москве. Очевидно, воевода медлил с выполнением царского указа и в апреле того же года к нему прибыло грозное царское послание: «...а буде не вышлет, и на нем написано пени 500 рублей». Может быть, угроза подействовала, в конце апреля 1666 г. карго-

польцы прибыли в Москву и разместились в Красном селе. Как рабочая сила они использовались, вероятно, на нескольких объектах. В мае только на Аптекарском дворе работало 60 каргопольцев-плотников. В 1668—1669 гг. из Каргополя опять были затребованы работные люди в царское село Измайлово, где развернулись широкие строительные работы — возведение т. н. Виноградной плотины.

В самом Каргополе в 80-х годах обострилась борьба между неимущими и имущими слоями каргопольского посада. Об этом свидетельствует челобитная каргопольцев «...жилицких бедных людей на каргопольцев на свою братию на прожиточных людей», поданная в 1583 г. Имущественная дифференциация Каргопольского посада, ярко проявившаяся еще в XVI в., значительно усилилась в XVII в., социальные конфликты начали приобретать особую остроту.

Важные данные о Каргопольском посаде середины XVII в. содержит переписная книга Каргополя 1648 г.³⁵ По данным этой книги в Каргопольском остроге находилась съезжая изба, воеводский двор, дворы подъячих съезжей избы, пушкарские, а также посадские и бобыльские общим числом 128 дворов с населением 283 человека. На посаде Каргополя располагались таможенная изба, гостинный двор, дворы посадских людей и бобылей, а также церковные и монастырские — всего 430 дворов с населением 1268 человек. Таким образом, численность только мужского населения Каргопольского острога и посада превышала 1500 человек.

Каргопольский посад делился на несколько частей: Красный посад, улицы Каменка, Ивановская, Никольская, Базаиха, Шелковная, Потаниха, переулки Балашов, Оширин, Фалеевский, переулок от Торговой площади к улице Каменке. Подобное членение посада свидетельствует о развитости посадской топографии, приближении ее к топографии городского типа. Переписная книга 1648 г. дает небольшое число каргопольских ремесленников — это в основном люди, обслуживающие нужды посада: сапожники, сапожные швецы, портные швецы, шапошники (9 человек), плотники, оконничник, свечники, кузнецы (11 человек), а также калачник, хлебник. Особый интерес представляют упоминающиеся в переписной книге два иконника — Пронька да Якунька Федоровы.

В первое десятилетие XVII в. над Поморьем стали сгущаться тучи. После неудачных попыток склонить на свою сторону «хозяина Поморья» — Соловецкий монастырь шведские феодалы начали военные действия. Войска бывших «союзников» напали на

поморские волости и подступили к Кольскому острогу. Угроза нападения на Поморье с запада становилась все более и более реальной. Об этом красноречиво повествует так называемое письмо Анца Мука (1612 г.) в Заонежские и Оштинские погосты: ...к нам идут из Великого Новгорода ратные немецкие многие люди, и чаем их к себе вскоре и велим итти прямо на вас, а сами ныне, оставя вас в острожки, пойдем воевать и жечь домов ваших..., выевав заонежские погосты и Оштинские, пойдем к Белоозеру и к Каргополю, и прошотчи те города, Белоозер и Каргополь, пойдем в поморские городы...»³⁶. На столь воинственные заявления каргопольцы ответили посланием, полным собственного достоинства. Предлагая не начинать военных действий, сохранить мирные отношения, они в том же послании высказались вполне решительно: «а буде вы, господа, забыв свои души, учнете с нами рознь чинить, и кровь крестьянскую проливати, и на Каргопольские места войною приходить, или какой задор чинити: и мы против вас стоять рады, сколько милосердный Бог помочи даст».

Однако опасность пришла с юга. В начале осени 1612 г. польско-литовские интервенты несколькими отрядами хлынули на Север. В ночь на 22 сентября 1612 г. «воры» подошли к Вологде и «безвесно», изгоном, т. е. с ходу, взяли город. Падение хорошо вооруженной каменной вологодской крепости открыло разбойным отрядам дорогу на Вычегду, на Вагу, Каргополь и далее в Поморье. Несмотря на то, что «воров» уже ждали к Каргополю (здесь осенью 1612 г. был построен острог, имеющий огнестрельный «наряд»), несмотря на то, что сведения о передвижении отрядов противника рассылались в разные концы Поморья, нападение на город было неожиданным. «В нынешнем в 121 году, декабря в 12 день с пятницы против субботы, в ночи за два часа до свету, польские и литовские люди и русские воры пришли в Каргополь на посад, и которые посадские люди в ту пору были на посаде, для своих хлебных нужд, а в острог не успели и тех людей оне всех посекали, а иных в полон погнали, а на свету приступили с щиты к острогу накрепко...»³⁷ — отписывали каргопольцы в Белоозеро о появлении неприятеля под стенами Каргопольской крепости.

Попытки взять город штурмом окончились полной неудачей для «воровских людей». Отказавшись от дальнейшей осады острога, они сожгли дотла каргопольский посад и пошли в Каргопольский уезд.

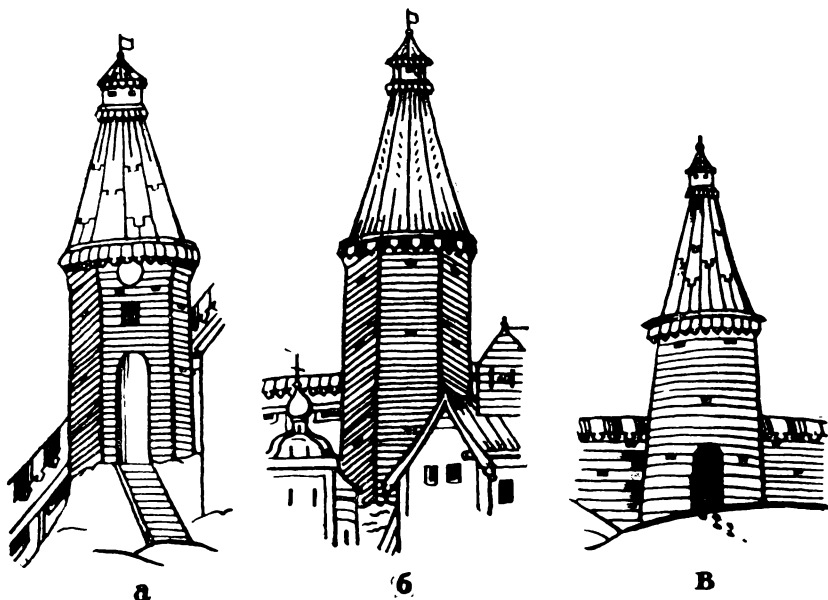
К сожалению, не сохранилось данных о том, как выглядел первый Каргопольский острог, в последующее время замененный более мощными дерево-земляными укреплениями — деревян-

ным «городом». Определить точно, когда был поставлен деревянный «город» вместо старого острога, пока трудно. Известно, однако, что вопрос этот был поднят в 1630 г., когда острог обветшал и от него остался один вал — «острожная осыпь, где старой острог был»³⁸. В том же 1630 г. в Каргополь прибыл князь Дмитрий Сентов, на которого была возложена обязанность построить новое укрепление в Каргополе при помощи всех людей, живущих в уезде (посадских, крестьян, служилых и т. д.). В 1686 г. по царскому указу Каргопольский «город» был «переписан»³⁹. Подобные переписи составлялись со скрупулезной тщательностью. Являясь по существу одной из форм управления в бюрократическом аппарате феодального государства, они представляют ценный исторический источник, дающий характеристику того или иного города.

«Роспись» Каргопольского «города» 1686 г. не дает подробного описания всех объектов, но представляет значительный интерес. «Город» деревянный рубленый, имел по стенам 9 башен — 3 воротные, 6 глухих. Две башни были рублены «осьмериком». На башнях располагались лишь 5 орудий, остальные «6 пищалей заржавели, станки и колеса поломались». Кроме того, в Приказной избе хранились 97 пищалей стрелецких ручных, «а у тех пищалей ложа и замки перепорчены и переломаны, а иных и замков нет». Далее роспись перечисляет имеющиеся запасы пороха, ядер, дрови.

Уже в начале XVIII в. деревянные укрепления в Каргополе пришли в негодность. Это очевидно из «росписи», составленной в апреле 1714 г., когда обер-комендант князь П. И. Касаткин-Ростовский принимал у стольника и коменданта П. В. Коробьина «...город Каргополь и городовые ключи, и в городе наряд, и Великого Государя в казне порох и свинец, и ядра, и пушки, и всякие пушечные запасы, и пищали, и приказную палату, и книги...»⁴⁰.

Каргопольский «город» по «росписи» 1714 г., деревянный, рубленый, имел по стенам 9 башен. Две башни, Троицкая и Воскресенская, «рублены осьмериком», имели по двое проходных ворот. Остальные башни «города», четверугольные, одна из них также имела двое ворот. Протяженность городской стены была около 300 сажен. Вооружены были лишь воротные башни: Троицкая 3 пушками, причем у одной «в стрельбу дульный конец с верхком аршин слишком оторвало», Воскресенская — 2 пушками и воротная четырехугольная башня — 1 железной пушкой. «Роспись» фиксирует довольно плачевное состояние всего каргопольского

Башни каргопольского города:
 шестиугольные (а — воротная, б — глухая),
 в — четырехугольная (воротная).

«наряда». В казенном каменном погребе хранились еще три пищали затинные в целых станках и четвертая в ломаном, а пятая вообще без станка. Здесь же находились 95 пищалей стрелецких ручных и 4 старых мушкета, из этого оружия у 91 пищали «ложки и замки перепорчены и переломаны, а у иных замков нет». В 1713 г. 34 пищали по указу Петра I были починены и снабжены новыми ложами. Документ подчеркивает, что «город строение давних годов, башни строены шатровые, и те башни и городовая стена крыта тесом...

«Роспись» каргопольского «деревянного города» дает исчерпывающую картину состояния крепости на Онеге в начале XVIII в. и по существу помогает нам представить, какой она была в XVII в.

Казалось бы, кроме этого «словесного портрета», от памятника ничего не осталось, но это не совсем так. В фондах Каргопольского районного музея хранилась икона, которая недавно была расшифрована реставраторами. Икона «Борис и Глеб с видом

горящего Каргополя» вероятнее всего принадлежала кисти северного мастера-иконописца, хорошо знакомого с Каргополом. Время написания иконы, определявшееся началом XVIII в., можно уточнить — икона написана после пожара 18 мая 1731 г., во время которого и погибла крепость.

На иконе изображена часть города и окружающая его стена с башнями. Вероятнее всего, художник нарисовал юго-восточную часть крепости — вид со стороны р. Онеги, хотя сама Онега и не попала на холст.

Стены города деревянные, бревенчатые, рубленные тарасами — отчетливо видны границы отдельных срубов-тарас, покрытые тесом с фигурной обработкой концов.

На фасаде стен, обращенных к зрителю, видны бойницы, расположенные в два яруса. С верхней галереи стен по две бойницы на каждую тарасу и по одной бойнице нижнего горизонта — подошвенный бой.

На изображении видны четыре башни, из них две восьмигранные и две четырехугольные. В «росписи» 1686 г. указано, что среди башен «две башни рублены осьмериком». Название этих восьмигранных башен дает нам «роспись» 1714 г. — это Троицкая и Воскресенская. Обе башни имели «двои ворот проходные» в каждой. На изображении ворота восьмигранных башен полукруглые. Все башни рублены из бревен горизонтальными венцами, шатры их покрыты тесом и заканчиваются смотровой вышкой, венчающейся «яблоком» и прапорцем (флажком). Бойницы в башнях располагаются в три яруса: нижний (подошвенный), средний и верхний.

Изображая постройки внутри «города», иконописец не ставил себе целью показать все, что там находилось, а лишь сооружения, связанные с паразитившим его событием. Поэтому он нарисовал не весь «город», а ту часть, откуда начался пожар. Огнем охвачены богатые деревянные хоромы. Низ их глухой, вверху же большие окна. Здание имело, по всей вероятности, трехчастный план, столь характерный для древнерусских гражданских строений XVII в. В сени второго этажа поднимались по деревянному крыльцу «на отлете» (перпендикулярно к фасаду постройки). Скупое оформление основной части здания, не имеющего ничего, кроме одного этажа, стоящего на подклети, при необычайно богатом, торжественном крыльце наводит на мысль, что это не жилые хоромы, а административное здание, возможно, приказная изба.

Центральная группа людей, изображенная на иконе, выходит из одноглавой каменной церкви. Слева от храма виден верх дере-

вянной рубленой колокольни — типичной северорусской, крытой тесовым шатром.

В правой верхней части «города» изображен богатый архитектурный комплекс. Интересующее нас здание стоит внутри солидной ограды. Оно каменное, высокое. Низ постройки глухой, в нем, очевидно, размещались обширные складские помещения. Судя по тому, насколько высоко поднимается здание над землей, под ним были еще и погреба. Верхний этаж занимали обширные палаты, хорошо освещенные большими окнами с прямоугольными верхами. Обычно такие помещения в жилых каменных древнерусских зданиях этой поры служили для приема гостей. Над каменными палатами возвышается еще одна часть здания, без сомнения, деревянная. Скорее всего там были хоромы с сенями и горницами. Деревянный верх, палаты и сход крыльца покрыты тесом.

В целом изображенный комплекс с высокой рубленой оградой, каменными палатами и деревянным верхом является, по всей видимости, «двором» богатого, а может быть, даже высокопоставленного человека — воеводы или, позднее, коменданта.

Таким образом, архитектурная композиция на каргопольской иконе является ценным источником для изучения не только северного оборонного зодчества, но и северного домостроительства XVII — начала XVIII вв.

События «смутного» времени нанесли большой ущерб как торговле и ремеслам, так и сельскому хозяйству Каргополя. Достаточно сказать, что в 1619 г. по челобитью каргопольцев и турчатовцев в Каргопольском уезде от «приходу литовских людей» запустели многие земли, а число убывших в связи с военными действиями людей составляло 773 человека. Посевы были потравлены, скот прирезан, лошади уведены. В связи с уменьшившимся количеством дворов каргопольцы просили прислать писца, чтобы новое обложение было приведено в соответствие с количеством жителей.

Значение каргопольских укреплений к концу XVII в. падает. Если в 1616 г. в Каргополе находилось 160 стрельцов и 9 пушкарей, то в 1648 г. стрельцы в переписной книге не упоминаются вообще, а пушкарей всего 4. «Роспись» 1714 г. уже перечисляет большинство пушек не на башнях «города», а лежащими в погребе, причем многие, как это было и в 1686 г., сломаны, к стрельбе не годны.

Значение Каргополя как крупного торгового центра Заонежья также уменьшается. Об этом свидетельствует Переписная книга Каргополя начала XVIII в. (не ранее 1712 г.). «Всего в городе

и на посаде 21 церковь, в том числе 4 церкви каменных, церковь в недостройке каменная ж, 16 деревянных, приказная изба каменная, казенная палатка, комендантский двор, Гостиный двор, кружечный двор, таможня, земская изба, табачная изба; ...посадских людей жилых тяглых 20, малотяглых 147 дворов, нищенских 99 дворов, вдовьи; нищенских же 56 дворов, подъяческих 13 дворов, монастырских 4 подворья, церковничьих поповских 43 двора, сторожевых приказной палаты и тюремных и земской избы 4 двора, солдатских 23 двора, пустых посадских 217 дворов да 36 изб, да 13 мест, 3 печища, солдатских 2 двора, монастырских 2 подворья, церковных 1 двор, 3 избы да 1 место»⁴¹. Переписная книга фиксирует резкое сокращение населения Каргопольского посада в начале XVIII в. Пустует более половины посадских дворов, много дворов нищенских, вдовьих и малотяглых.

Особенно важно отметить то, что к моменту переписи в Каргополе находилось всего 23 «солдатских» двора и два двора «солдатских» пустых. Каргополь уже утратил свое значение одного из крупных оборонительных пунктов Поморья.

Правда, в начале XIX в. Каргополь на некоторое время восстановил свое значение крупного торгового пункта Севера. «Окружной город Каргополь... при судоходной реке Онеге, впадающей в залив Северного моря, сообщает жителям своим всю удобность производить внутренний и заграничный торг через Усть-Онегский порт... Обывательское жило в сем городе после бывшего в 1766-м году сильного пожара возобновлено, и прямыми улицами регулярно построено...» — читаем мы в описании Олонецкого наместничества⁴². Среди жителей города, насчитывавших в начале XIX в. немногим более 3000 человек, было 70 ремесленников (9 серебряников, 5 кузнецов, 3 медника, 3 сапожника, 11 портных, 1 иконописец и др.).

Крепостные сооружения Каргополя существовали до начала XIX в. в виде четырехугольного редута 440 сажень в окружности, обнесенного с трех сторон валом и рвом, с четвертой защищенного Онегой. У местного населения он был известен под названием Городок.

Городище Каргополя сохранилось и до наших дней под именем «Валушки». В 1959 г. оно было нами осмотрено и обмерено. «Валушки» находятся в северной части города. В плане они представляют собой почти правильный четырехугольник. Восточная и западная сторона 210 и 215 м, южная имеет протяженность 250 м. На северо-восточной стороне, обращенной к

р. Онеге, вала и рва не прослеживается. Возможно, он был смыт водами реки или подвергся разрушению во время каких-либо землеустроительных работ.

СЕВЕРНЫЙ АРСЕНАЛ

В

начале XVII в. над городами, посадами и селениями Русского Севера бушевали военные грозы. Сопротивление отрядам польско-литовских интервентов и русских «воров» оказывали не только крупные северные центры — вся территория Поморья покрылась сетью острожков и засек. Для северян было единодушным стремление выступить «заодно» против насильников. На крупнейших водных магистралях возрождались укрепления — городки, заброшенные в XV в. Укрепления возникали не только по грамотам воевод, но строились стихийно, по местной инициативе — «миром», и защищали их «мужики» с копьями, рогатинами и «со всяким боем». Военная гроза начала XVII в. и тревожная обстановка на протяжении всего столетия привели к большой концентрации тяжелого вооружения на Севере. Однако создание северного «арсенала» произошло не сразу.

Укрепление северных рубежей и постройка ряда крепостей на беломорском побережье повлекли за собой присылку огнестрельного «наряда» из центральных областей. До 1593 г. Москва направила только в Соловецкий «город» 25 пушек, 110 ручниц, 1590 ядер, 199 пудов пороха и 92 пуда свинца⁴³.

Производство огнестрельного оружия на месте, на Севере, не получило широкого распространения, хотя известно, что в 1611 г. в Сумском остроге «кузнец самопальник» Сава сковал 5 самопалов с замками и с трезубцами в казну Соловецкого монастыря, а кроме того, 5 станков к самопалам. В 1603—1613 гг. в Соловецком монастыре ковались такие виды огнестрельных орудий, стреляющих «дробом», как тюфяки.

Развитие беломорской торговли способствовало превращению северных морских «ворот» страны в крупного поставщика военного снаряжения не только для нужд северных крепостей, но и для государства.

При этом следует отметить, что правительство участвовало не только в единичных сделках с иноземными купцами, а стре-

Самогал 1600 г.

милось установить постоянную связь со своими иностранными торговыми агентами⁴⁴.

В 1660—1661 гг. велись переговоры с гостем города Любска (Любека) Яганом фон Горном о поставке меди и пушек, которые «ему (Горну) поставить все у Архангельского города». В эти же годы осуществлялись переговоры с иностранным гостем Иваном Гебдоном, который не только поставлял к Архангельску пушки, зелье и принадлежности ручного огнестрельного оружия, но и уговорился вербовать за границей иноземных специалистов—«полковников и иных начальных людей, инженеров, и огнестрельного, и гранатных и серебряных и золотого и резного и иных всяких дел мастеров». Все доставляемые в Архангельск «припасы» в обязательном порядке через Вологду и Ярославль поступали в Москву.

Правительство стремилось познакомиться с новейшими достижениями европейской военной техники, расширить собственное производство. В 1667 г. в «наказной памяти» гостю Аверкию Кирилову, назначенному на Двину для взимания таможенных и кабацких сборов, указывалось: «А пушечные вся-

кие запасы, зелье и свинец и серу и селитру веле великой государь русским людям у немец покупать повольно, а заказу о пушечных запасах торговым людям не чинить, и привозить те пушечные запасы к Москве». Во второй половине XVII в. (1672 г.) к услугам иностранных агентов прибегает Соловецкий монастырь: «...да они же де строят три города, Соловецкий город, Сумской острог, Кемский городок, и покупают пушки, и пищали и всякие пушечные наряды». Тревожная обстановка на Беломорье заставляла местные власти постоянно заботиться об усилении пушечного «наряда» северных крепостей.

В 1680 г. двинской воевода Богдан Ордин-Нащокин отписывал царю о покупке у голландского купца Гартмана 1000 пудов в 330 бочках порошу для Архангельска и Холмогор, так как «... у Архангельского города и на Холмогорах наличного порошу 186

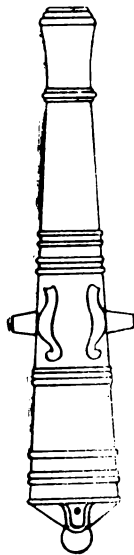
пуд», и «без пороху, государь, у Архангельского города и на Холмогорах быть опасно».

Крупные поставки иностранного оружия для русской армии у Архангельского города зафиксированы на протяжении последних десятилетий XVII в. В 1681 г. царская грамота предписывала двинскому воеводе князю Никите Урусову принять у датского фактора Андрея Бутенанта фон Розентота по подряду «...2611 служб рейтарского ружья, карабины с крюки и с перевязьми, а пистолы с ольстры половина с медного, другая с железного оправами». Полученное оружие в сопровождении выборных целовальников надлежало сразу же отправить в Вологду. В данном случае речь идет о поставке полных комплектов стрелкового оружия, что можно связать с происходящей реорганизацией русской армии, с появлением полков иноземного строя. Крупный контракт на поставку свинца у Архангельского города был заключен в 1685 г. с «торговым иноземцем» Ильей Табертом. Деньги Таберт должен был получить в то время, как он тот свинец «поставит сполна». Покупая крупные партии свинца у иноземцев во время Архангельской ярмарки, правительство получало крупную экономическую выгоду. На Московском рынке пуд свинца стоил 26 алтын 4 деньга за пуд и 8 руб. за берковец, а в Архангельске 17 алтын 2 деньга и 5 руб. с половиной за берковец. Учитывая стоимость длительной транспортировки товара, он обходился лишь по 24 алтына 4 деньга за пуд и 6 руб. 6 алтын 4 деньга за берковец. Экономическая выгода была налицо.

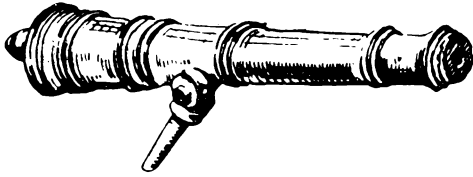
В 1690 г. была сделана попытка заключить торговую сделку с «Республикой соединенных голландских земель» о покупке и вывозе беспошлинно в Россию к Архангельскому городу 2000 карабинов и пистолей.

Упомянутый уже голландский купец Даниил Гартман подрядился к 1695 г. поставить к Архангельску 3000 мушкетов, «немецких добрых с оправою и с шкоцкими (шотландскими) замками»⁴⁵.

Поступало оружие с севера и в начале XVIII в., когда русская армия, в связи с военными действиями против северных соседей, испытывала в нем особенно острую необходимость.

Пушка XVII в.

Пушка со швейского (шведского) корабля.

Так, царская грамота 1705 г. строго предписывала «свинец, который остался у города Архангельского у иноземцев и у русских людей от прошлогодней ярмарки, и который будет в привозе, вновь взять на великого государя по настоящей цене» (куплено было 6136 пудов 36 фунтов)⁴⁶.

В XVII в. для расширения производства огнестрельного оружия была сделана попытка использовать местных ремесленников в различных районах страны. В эти центры рассылались образцы, по которым следовало ковать замки для стрелкового оружия. Заказ распределялся обычно среди замочных мастеров, знакомых с тонкостями слесарной работы. Был такой заказ размещен и среди двинских замочников. Работа оружейников требовала от «замочников» более высокой специализации. В грамоте 1680 г., посланной на Двину, писалось, что было «велено делать в Москве... и на тульских железных заводах завесные стволы, а замков к тем стволам московские замочные мастера делать не успевают», но замки, сделанные по заказу на Двине и в Новгороде, «деланы худо, не против нашего великого государя указа и образцовых замков»⁴⁷. Выход был найден: в той же грамоте велено было послать двинских «замочных мастеров» в Москву для освоения тонкого ремесла оружейника.

Однако не надо забывать, что север дал немало первоклассных оружейных мастеров, таких, например, как «кузнецы ствольного дела» вологжане Яков Львов, Иван Москвитин, Карп Проконцев, Гурей и Потап Федоровы, Исак и Кузьма Ивановы, Константин Зиновьев.

Укрепление северных рубежей, возведение военно-оборонительных сооружений привело к сосредоточению на Русском Севере значительного военного потенциала.

Рассмотрим вооружение некоторых северных городов в первой половине XVII в.

Из 35 орудийных стволов, имеющих в Архангельском «городе» в 1622—1624 гг., боеспособными были 32, из них 6 медных,

остальные железные. Из общего количества орудий 6 записаны как «немецкие», что свидетельствует о том, что закупка иностранного вооружения уже шла полным ходом. Характеризуя калибр пушек, следует отметить, что большинство из них было средних: от 3 до 12 гривенок ядро, а две пушечки дробовые. В Холмогорском остроге по переписи 1622—1624 гг. также преобладали средние калибры (3—6 гривенок ядро). Две пушечки были дробовые, скорострельные, 5 пищалей затинных железных, из остальных 5 медных пищалей и 9 железных. К сожалению, документы не дают сведений, какие орудия «немецкие», а какие отечественного производства.

Писцовая книга 1622—1624 гг. указывает в Архангельске пушкарских дворов 6, дворов затинщиков 12. В Холмогорах в это время упоминается лишь один пушкарский двор. Пожалуй, это можно объяснить лишь тем, что комплектование артиллерийской прислуги к моменту «письма» во вновь построенном остроге еще не было завершено.

По данным П. Смирнова, в 1628 г. в Архангельске было уже 10 пушкарей и 20 затинщиков, а в 1650 г. 11 пушкарей. Правда, М. Богословский называет несколько иное число для Архангельска 1620 г. — 34 пушкаря⁴⁸. Число это для первой четверти XVII в. несколько завышено. Челобитная архангельских и холмогорских пушкарей и затинщиков осенью 1682 г. дает точную цифру: «...бьют челом холопы ваши Архангельского города и Холмогорские пушкари и затинщики Алешка Пругавин с товарищи, тридцать один человек...»⁴⁹. Почти десятилетняя осада Соловецкого монастыря, кстати малоуспешная, привела в движение северную артиллерию. В той же челобитной 1682 г. пушкари и затинщики жалуются, что «... были в прошлых годах на службе с воеводою с Иваном Мещериковым по Соловецким монастырем с пушками». Были забраны пушки даже из Онежского крестного монастыря (5 стволов). Как распределялась впоследствии северная артиллерия, одно время сконцентрированная под стенами Соловецкого Кремля?

Некоторые данные дает Описание военным снарядам в Архангельске и Холмогорах в 1683 г. В описи указывается, незначительное число орудийных стволов — 3 в Холмогорах и 10 в Архангельске, что, безусловно, связано с «соловецким сидением». Об этом же говорит и состав орудий в Холмогорах: оставлены громоздкие, неудобные в транспортировке орудия XVI и начала XVII вв. (вес 19 и 30 пудов). В Архангельском «городе», наряду с вполне современными пищалами (покупки 1675 г.),

находились орудия 1567, 1615, 1636 гг., все очень громоздкие. Особенно примечательны орудия с подписью мастера Богдана. Богдан — видный русский «пушечный литец», который отлил 18 орудий, причем 9 из них находились на Севере (Архангельск, Холмогоры, Соловки). В Соловецкой крепости находилось в 1668—1676 гг. пять пушек с подписью мастера Богдана, одна из них называлась «Урывок Богдана». Известны орудия Богдана в Смоленске и пищаль 1563 г., откопанная в б. Виленской губернии.

К XVI в. относится еще одна пищаль — сделана она в 1566 г. мастером Кашпиром. Мастер Кашпир Ганусов — иноземец на русской службе, который прибыл в Россию в начале XVI в. и изготовил довольно значительное число орудий — известно 10 стволов, подписанных этим именем (3 в XVII в. были в Холмогорах, 1 — в Архангельске в XVIII в.). Одно орудие Кашпира было в составе артиллерии крепости Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.

Наличие незначительного количества орудий, сделанных в XVI в., позволяет рассматривать их как первые партии огнестрельного «наряда», которым снабжался Север в конце XVI — начале XVII вв. Стремление усилить обороноспособность южных и западных границ Московского государства привело к тому, что на северные рубежи в 1626 — 1647 гг. Пушечный двор не поставил ни одного ствола из вновь выпускаемых. Именно поэтому в арсенале Архангельска и Холмогор встречаются орудия начала XVII в. (мастера Кондрата Михайлова), а также иноземные орудия с русскими приписями (иногда и по-латыни). Наличие на севере отечественных орудий выпуска XVI — начала XVII в. и иноземных — «немецких» привело к большой разнотипности. Между тем, для русского пушечного производства второй половины XVII в. характерно стремление к производству типового вооружения, уменьшению количества калибров.

Исчерпывающие сведения о пушечном наряде Архангельска, Холмогор и Новодвинской крепости дает Росписный список двинского стольника и воеводы Василия Ржевского, датированный 2 февраля 1702 г.⁵⁰

Согласно этим данным, «всего в Архангельском городе наряду 22 пушки, в том числе 7 пушек медных, да 12 железных, да 3 пушки скорострельных железных», 15 пищалей железных и 2 медных (обе негодные). К этому числу следует прибавить присланные из Холмогор 7 пушек медных и железных. Таким образом, Архангельск располагал зимой 1702 г. 44 стволами ору-

дий, способных вести активный огонь. Однако это еще не все. На Малой Двине, в Новодвинской крепости находилось 26 пушек (24 железных и 2 медных) и один медный манжер (мортира). Кроме того, на яхте, которая была построена для Петра I у Архангельского «города», имелось 8 медных пушек.

В оружейную казну поступили и те 10 железных пушек, которые были сняты с захваченных на Двине шведских фрегата и галлета в 1701 г. Еще ранее из Новгородского Приказа было «взято для опасения неприятельских шведских людей торговых аглицких и голланских кораблей 3 пушки железных...».

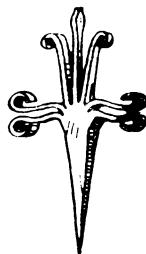
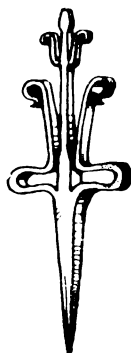
Таким образом, у Архангельского «города», в Новодвинской крепости, на государственной яхте пушек, снятых с завоеванных «свейских» (шведских), а также и торговых кораблей, было 100 «да манжер медный». В эту цифру не входят затинные пищали. Можно считать, что в низовьях Двины было сконцентрировано около 125 орудийных стволов (пушек и пищалей). Даже для XVIII в. эта цифра была более чем солидной, однако реальная огневая мощь северной артиллерии была значительно ослаблена из-за отсутствия ядер нужных калибров.

ПОМОРСКИЕ ГЕФЕСТЫ

Обработка металлов в средневековой Руси составляла основу городской и посадской экономики. Среди железоделательных районов русского государства в XVI в., наряду с Великим Устюгом, видное место занимали Холмогоры. Развитие обработки железа на севере Руси было связано с развитием судоходства и соляными промыслами. Уже в середине XVI в. Холмогоры превратились в крупный рынок изделий железоделательного ремесла, там продавались и покупались значительные партии железа-сырья и изделия из него — различных сортов гвозди, скобы, ральники, сошники, бытовые вещи. С попыткой получить достаточно прочную местную сырьевую базу связана деятельность Строгановых на притоке Ваги р. Судроме, где в 1577 г. Яков Строганов получил право «дуть железо и домницы делать и лес сечи около тех болот»⁵¹.

В конце XVI—XVII вв. расширилось производство болотного железа в Белослудском стане. Белослудское железо стало

Железный топор XIV в., рыболовные крючки,
ключи и светцы — XVII в.

основным сырьем для ремесленного Устюга Великого, Соли Вычегодской и Тотмы. Местного железа все-таки не хватало, поэтому на протяжении второй половины XVI—XVII вв. ввозилось значительное количество иностранного железа.

Множество железных предметов, обнаруженных на Холмогорских посадах, свидетельствует о больших масштабах обработки металла. Несомненно, для этого, наряду с привозом железа, нужна была пусть небольшая, но местная сырьевая база. На Падракурье было найдено несколько десятков железных криц (весом от 2,5 до 9 кг). Форма некоторых из них указывала на то, что они выплавлялись в глиняных сосудах. Выплавка железа в глиняных горшках не являлась редкостью в средневековом городе. Известно, что московские кузнецы тоже часто выплавляли железо в глиняных сосудах. Однако кричное железо на Холмогорах производилось в таком количестве, что удовлетворяло не только местные нужды, но и вывозилось в другие местности. В 1679—1680 гг. на рынок Устюга привозили кричное железо «холмогорцы Михайло да Гаврило Стефановых дети Москвина» (35 пудов) и Иван Гусев (70 пудов)⁵².

Ассортимент продукции холмогорских кузнецов по археологическим данным обширен:

1. Инструменты ремесленников: ножи, молотки, в том числе гвоздомеры, сверла, топоры.
2. Сельскохозяйственные орудия — серпы.
3. Другие орудия труда — багры, железные оковки деревянных лопат, остроги, вилы, ножницы, иглы, скобели, рыболовные крючки, иглы для вязания сетей, шилья.
4. Кузнечные изделия для судостроения и домостроения — гвозди различных сортов и размеров, дверные пробои, петли, кольца, крючки, скобы крепежные, пруты к окончинам.
5. Кузнечные изделия для обуви — скобы сапожные («скобы для сапоги» — подпятные и проемные), гвозди сапожные.
6. Кузнечные изделия бытового обихода — светцы, замки, ключи, оковки на сундуки, столовые ножи, наперстки. Железные части конской упряжи, подковы.

Изделия холмогорских кузнецов хотя и вывозились, но в небольшом количестве. В 1678 г. дети Москвина «явили» на Устюге 150 топоров железных. В 1665—1666 гг. холмогорские железные сапожные скобы и гвозди шли в Соль Камскую, Вятку, Сибирь. Гвозди различных сортов — четвертные, двоевершные, троевершные вывозились в Устюг. В 1678 г. дети Москвина отвезли в Устюг 7 пудов гвоздя и скоб, в 1679 г. Иван Гусевых «явил

100 гвоздя четвертного, 2000 гвоздя двоевершного, 6400 гвоздя троевершного, 150 сапожных скоб мужских»⁵³.

Вывозили холмогорцы и части домового «снаряда» — крюки избные, пробой лавочные. В связи с постройкой архангельских Гостиных дворов туда доставлялись изделия холмогорских кузнецов: молотки, лопаты, гребки («что мешают известь»), ломы, кирки, долота, железные заступы.

В результате археологических работ собралась небольшая, но интересная коллекция замков, главным образом, висячих. Находки в культурном слое холмогорских посадок XVI—XVII вв. железных замков и письменные источники дают все основания говорить о том, что среди холмогорских кузнецов были отменные мастера. Замки были в каждом доме, вероятно, даже по несколько штук. В «купчих» XVI—XVII вв. при продаже дома или лавки обязательно упоминаются и запоры («и з замки, и с пробой»), причем иногда указывается тип замка — «и с замком задорожчатым». Кроме висячих замков, были и внутренние замки, именуемые «глездунами».

Большое количество жилых домов, лавок, амбаров и других хозяйственных и торговых помещений способствовало высокому спросу на холмогорском рынке на различные типы замков. К кузнецам обращались не только за изготовлением новых изделий, но и за починкой уже бывших в употреблении.

Холмогорские сундуки и шкатулки, которые искусно изготавливали кузнецы, пользовались спросом не только на местном рынке, но и служили незазорным подарком, своего рода северным «сувениром», столичному боярину.

По указанию Афанасия, в 1694 г. у кузнеца Григория Шиликунова был «куплен в поднос боярину Федору Петровичу Салтыкову подголовок, окован прорезным железом, на пяти вертикалях, изрядной; дан рубль осьм алтын две деньги». В том же году у кузнеца Ивана Баташова в архиепископский дом была куплена «шкатула под красною кожею, оков прорезной кругами и с наугольниками, дано шестьдесят алтын... Да в ряду из лавки Гаврила Тряпицына да у Носца куплено два подголовка окованных прорезным железом...⁵⁴. Холмогорские сундучники, подголовки и шкатулы, окованные затейливо орнаментированными железными пластинами с подкладкой из слюды, цветной кожи, являются изделиями художественной кузнечной работы. Не мудрено, что работа северных умельцев была должным образом оценена и при царском дворе. Наличие на сундучках и шкатулах миниатюрных внутренних замков («глездунов»), а иногда и до-

полнительных замочных устройств («секретов») позволяло хранить в них рукописи и ценные вещи.

Во второй половине XVII в. на Устюжский рынок стали в довольно большом количестве поступать изделия холмогорских кузнецов. Причина этого явления заключается не в том, что устюжские кузнецы не удовлетворяли спроса рынка. Во второй половине XVII в. Устюг играл важную роль в торговле с Сибирью. В 1665—1666, 1678—1680 гг. холмогорцы поставляли на Устюг гвозди («двоетес», «троетес» и др.), сапожные скобы. Другие кузнечные изделия не пользовались большим спросом на Устюге. Так, в 1680 г. Иван Гаврилов Гусевых привез в Устюг 150 топоров, но не мог их продать и увез обратно. Нередко холмогорцы сами везли товары в далекую Сибирь.

В организации кузнечного производства на Холмогорах уже в первой четверти XVII в. следует отметить такое явление, как сосредоточение в руках одного владельца нескольких кузниц. Так, Антон и Иван Поликарповы владели тремя кузницами, Панфилка Поликарпов двумя. Матигорцы Поликарповы (Онтошка, Ивашка, Панфилка, Титок, вдова Ульяна) владели 7 кузницами в разных холмогорских посадах. Два кузницами владел крестьянин Загорского стана д. Стуколовской Андрей Самоchorнов. Нередко кузницы находились в разных местах — одна на Глинском посаде, другая в Нижней половине или в Западракурье. В этих случаях использование в кузнечном производстве дополнительной рабочей силы можно считать не только возможным, но и обязательным. Использование наемного труда в посадском ремесленном производстве отражает процесс дальнейшего развития мелкотоварного производства, усиления социального расслоения посадского населения на Севере. Свою продукцию холмогорские кузнецы сбывали в принадлежащих им лавках, или отправляли на другие рынки со скупщиками и «попутчиками».

Годы строительства в Архангельске каменных Гостиных дворов явились настоящей «страдой» для северных кузнецов. Для строительства изготовлялись ломы, гребки известковые, клинья, кирки гесовые, кирки земляные, лопаты, заступы, связи для стен, решетки, дверной «снаряд», детали подъемных и транспортных механизмов и т. д. — все это не десятками, а сотнями штук. Учет готовой продукции велся уже не путем подсчета изделий, а на вес — на пуды. Достаточно сказать, что в 1668 г. артель кузнеца Сеньки Поздеева сделала «снастей» на 325 пудов 12 фунтов, в 1669 г. кузнецы «Якушка Микулин да Алешка Верещагин» выковали на 256 пудов 16 фунтов с полуфунтом, а в 1670 г.

Ивашка Востроносов «с товарищи» на 399 пудов 8 фунтов. В 1694 г. в связи с постройкой в Архангельске корабля, который «к морскому ходу годен», снова собрали разных мастеровых людей, в том числе и кузнецов — «и для кузнечной работы кузнецов велено давать в подмочку двинян людей добрых сколько человек понадобится». Тесно связана с обработкой железа специальность оконничника. Наличие ремесленников оконничников (на Холмогорах в 1622 г. их было 5) позволяет считать, что окошки в северных домах были затянуты не только бычьим пузырем, но и слюдой. Слюда собиралась ромбическими или полукруглыми кусками. Полоски слюды перемешались с железными полосками и закреплялись друг с другом гвоздиками. Иногда куски слюды сшивались. Продукция холмогорских оконничников также встречается на устюжском рынке. В 1633 г. холмогорец Иван Оконничник привез в Устюг в числе прочих товаров 60 окончин слюдяных с железом («окончины слюдяные з железом»), «60 окончин нитьми шиты». Более узкая специализация по тем или иным видам изделий у холмогорских кузнецов, вероятно, существовала («ножевой мастер», «ножевник» упоминаются также в переписной книге 1646—1647 гг.), однако трудно достаточно точно определить, на чем специализировался тот или иной кузнец. К тому же северным кузнецам приходилось изготавливать широкий ассортимент изделий.

Холмогорские ремесленники не только удовлетворяли нужды местного населения, но и вывозили свою продукцию на столь отдаленные рынки, как Москва. В работе по меди специализировалась особая группа мастеров — котельники. В писцовой книге Мирона Вельяминова упомянуты лишь два котельника. Начиная со второй четверти XVII в. имена котельников упоминают чаще. Холмогорские котельники работают уже не только у себя дома, но и «отходят» на работу в Устюг. В 1645 г. в Устюг холмогорцы-котельники Петр Андреев с братом пришли из Холмогор на чужом судне «без товара для котельного дела».

С 1652—1653 гг. на кузнечном дворе в Устюге работало четыре холмогорца-котельника. В 1673 г. на Устюг приехал Федор Иванов Титовых, который привез свою медь — 1,5 пуда, работал до 1677 г. и «изделав в судах всю медь», продал. В 1675 г. по специальному челобитью устюжского «головы» холмогорским котельникам было отдано распоряжение приехать на Устюг, захватив с собой «что у них сыщется меди»⁵⁵.

Котельники отходили на «котельный промысел» в Устюг, иногда с семьями, на несколько лет. Специальным распоряжением в

Москву в конце 1665 г. были вызваны холмогорские «котельного дела мастера» — Сидор Грязного, Василий Шаратов, Иван Казаринов и Никифор Мезенец с семьями «на вечное житье»: «А быть им у котельного дела на кормовом дворце»⁵⁶.

Любопытно, что в 1749 г. в Петербурге железную пробирную печь для химической лаборатории М. В. Ломоносова делал медник холмогорец Петр Корельский за три рубля, «после чего отъехал».

О медном литье на северных посадах нет почти никаких сведений. Один только раз документы упоминают отливку колокола на Холмогорах в 1621 г. Из других ремесленников, связанных с обработкой цветных металлов, можно назвать серебряников и оловянников.

«ГРЕБЕНЩИКИ ДА ШАХМАТНИКИ, ЧТО НА ДВИНЕ СЫЩУТСЯ»

XVII в. северная резьба по кости представлена целой плеядой талантливых мастеров, блеснувших богатством выдумки, виртуозной техникой и занявших одно из первых мест среди русских резчиков по кости. Чтобы выявить условия, которые способствовали успешному развитию северорусского косторезного центра, необходимо рассматривать его в тесной связи с развитием косторезного ремесла в средневековой Руси.

Обилие изделий из кости на домонгольских древнерусских памятниках позволяет предполагать повсеместную распространенность обработки этого материала, относительно широкие масштабы производства и наличие специальных людей, занятых в нем.

Древнерусские косторезы в своих мастерских обрабатывали все основные сорта кости — животную (скотскую), слоновую, «рыбьи зубы» и рог. Употребление того или иного сорта кости определялось как назначением изготавливаемой вещи, так и социальным положением ремесленника и заказчика.

В слоях древнерусских городов домонгольского времени, наряду с костяными гребнями, найдены и деревянные (Новгород, Минск, Новогрудск, Торопец). Схожесть техники производства

костяных и мелких деревянных вещей свидетельствует о том, что костяные и деревянные гребни могли делаться в одной мастерской, одним и тем же мастером. Наличие костяных изделий со следами токарной обработки (в первую очередь шахматных фигур) дает еще один факт тесной взаимосвязи обработки дерева и кости в ту эпоху. Наряду с изготовлением точеной посуды, деталей мебели, токарь мог использовать свои технические навыки для изготовления определенного набора изделий из кости.

Сведения об обработке кости в XIV—XV в. немногочисленны. Раскопками в Новгороде найдено значительное число деревянных гребней и шахматных фигур, наряду с костяными. Таким образом, своеобразная традиция, выражающаяся в тесной взаимосвязи обработки кости и дерева, продолжает существовать.

Следующий период — XVI—XVII вв. — отличается от всего предшествующего времени обилием как письменных источников, так и самих изделий косторезного ремесла.

Наиболее массовым и доступным костяным сырьем, как и прежде, служила «скотская» или говяжья кость и рог. По мере развития косторезного ремесла начала все шире применяться моржовая и мамонтовая кость, единственным поставщиком которой до XVII в. оставался Север.

До присоединения северных земель к Москве промыслы на Севере, которые велись в довольно ограниченных масштабах, принадлежали Великому Новгороду и московским князьям. В XVI—XVII вв. спрос на продукты беломорских промыслов возрос, расширились и масштабы морских промыслов. Крупные транспорты с «рыбьим зубом» шли в XVII в. «в государеву казну» с Мезени. Только в 1614 г. с морских промышленников было собрано «...кости рыба зубу... большие статьи 3 пуда, да средние статьи 20 гривенок, меньшие 28 гривенок». Общая стоимость кости, отправленной в этом году, по оценке торговых людей Ножевого ряда в Москве, составила 57 руб. 2 алтына 5 денег⁵⁷. В 1662 г. в Кевроль и на Мезень был направлен указ «прислать черные рыбы кости сколько мочно сыскать, а купить тотчас...»⁵⁸. Крестьяне Пустозерского острога, прося освободить их от поездок на остров Вайгач, писали: «А летом ходят на море на Новую землю и по морским островам в больших судах для моржевого промыслу мезенцы, а пенежане на Югорский шар и Вайгач остров, и всякие морские острова ведают»⁵⁹.

В тундре в довольно значительных количествах встречалась ископаемая мамонтовая кость.

Со второй половины XVI в. через морские ворота страны Ар-

хангельск—Холмогоры на Русь доставляли слоновую кость. Так, только в 1671 г. в Архангельск было привезено 267 штук и 2 бочки слоновых клыков, а в 1672 г. 6 тонн разрезной слоновой кости. Любопытно сообщение об отпуске «Двинского уезда Осипа Васильева сына Зиновьева, с ним городской покупки заморского товара 27 пуд кости слоновой в горбах и в обресках, цена по 20 по 8 алтын пуд...»⁶⁰. Из Архангельска и Холмогор слоновая кость шла на рынки других городов и, в первую очередь, на московский рынок. О закупке холмогорскими гребенщиками слоновой кости говорит и документ 1670 г., когда холмогорцы не могли полностью выполнить царский заказ, так как во время пожара в лавках у них кость вся сгорела, «а купить де им после ярмонки было не у ково»⁶¹. Много кости закупалось в Архангельске и «на государев обиход». Так, в 1636 г. для царской казны было куплено «80 пудов кости слоновой». В то же время холмогорские резчики испытывали порой недостаток в сырье, который компенсировался, с одной стороны, привозом «заморской» кости, главным образом, слоновой, и привозом говяжьей кости из Устюга.

Не случайно, уже в первой половине XVII в. из Холмогор вывозились крупные партии костяных изделий. Интересные записи имеются в таможенных книгах XVII в. по Устюгу Великому. Так, в 1633/34 г. устюжанин Фока Сидоровых привез «с Холмогор» 215 гребней слоновых больших и малых, «50 игор костей зерневых».

Во второй половине XVII в. таких записей больше: в 1676/77 г. холмогорец Андрей Баженин «явил» в Устюге «гребенья слонового 3 фунта», в 1678/79 г. холмогорец Иван Самочерный «явил» «100 гребней слоновых», в том же году холмогорец Иван Гаврилов отпустил к Вятке с Михаилом Шешениным «400 гребенья слонового и говяжьего мелкого»⁶². «Явки» изделий холмогорцев на рынки Великого Устюга, Вятки и др. городов свидетельствуют о том, что холмогорские резчики обеспечивали не только местный спрос, но и работали на довольно широкий рынок поморских городов.

КОСТОРЕЗНАЯ МАСТЕРСКАЯ XVII В. В ХОЛМОГОРАХ

Во время археологических раскопок на Падракурье рядом с жилой постройкой были обнаружены остатки небольшого производственного помещения, заполненного костяными изделиями, полуфабрикатами, инструментами костореза.

Основным сырьем мастеру служила «скотская» (бычья или коровья) кость — так называемая «цевка». Обломки рогов лося и северного оленя со следами спилов и срезов представлены в небольшом количестве.

Своеобразными заготовками являются и небольшие куски кости, обструганные, со следами спила, по внешнему виду напоминающие карандаши. В дальнейшем они могли пойти на изготовление мелких вещей, например, ухверток. Любопытны небольшие пластины скотской кости, обработанные, как правило, с двух сторон короткими широкими срезами ножа, с правильными круглыми отверстиями. Когда ширина пластины позволяла, на ней делали два ряда таких отверстий.

Основная продукция мастерской — гребни. прямоугольной или слегка трапециевидной формы, типичные для конца XVII—начала XVIII в. Здесь же были найдены пуговицы с двумя дырочками и петелькой. Один из предметов по силуэту напоминает рыбу — голова передана уступами, хвост треугольником. При исследовании остатков жилой постройки рядом с мастерской обнаружены два столовых ножа с костяными ручками. Особый интерес представляют две вещи, выточенные на токарном станке из плотной желтоватой слоновой кости. Они отличаются мастерством и изяществом работы — это шахматная фигурка и пуансон, предназначавшийся для нанесения орнамента на глину.

Для холмогорских резчиков изготовление шахмат было делом обычным, они не раз выполняли царские заказы на поделку шахматных «статей». Так, в ответ на царский указ 1670 г. о поделке для царского обихода десяти шахматных наборов и десяти гребней холмогорцы ответили, что из 23 «мастеровых людей» гребенщиков подобные вещи делали только трое — Дениско Зубов, Ивашко Катеринин и Кирилко Саламатин.

Находка остатков косторезной мастерской с заготовками, изделиями, отходами производства и инструментами интересна тем, что позволяет судить о конкретной обстановке, окружавшей мастера.

ДИНАСТИЯ СЕВЕРНЫХ КОСТОРЕЗОВ

Уже много десятилетий исследователи холмогорской резной кости собирают сведения о северных мастерах, стараются выявить новые имена резчиков. Но следует признать, что мы и теперь еще мало знаем, как создавалась и складывалась северная косторезная школа, каким путем появлялись новые мастера. Есть

два имени — братья Семен и Евдоким Шешенины, вызванные в 1650 г. в Москву для работы в мастерских Оружейной палаты. В научной и научно-популярной литературе они получили широкую известность.

В приходно-расходной книге денежной казны Оружейной палаты за 1656 г. упоминается, что государя жалование получили «костяного резного дела токари: Семей Шешенин... и Овдоким Иванов. От 19 марта того же года в книге появляется новая запись: по государеву указу, Холмогорцу Семому Шешенину государеву жалование в Приказе 5 рублей, для того, что он Семей взят вновь к государеву делу»⁶³.

Обратим внимание на то, что в «бухгалтерском» отчете Оружейной палаты Шешенин назван «Семой» («Семому»), а не Семеном. Вряд ли это следует считать опiskeй. Слова «Семой» и «Семен» казались очень созвучными уже позднейшим биографам Шешенина, отсюда и появился на свет новый холмогорский косторез Семен Шешенин. Однако имя Семен предполагало наличие в документах несколько иного написания: не «Семой», а «Сенька» или «Сенка».

Теперь обратимся снова к письменным источникам, перелистаем пожелтевшие листы, испещренные скорописью XVII в.

Писцовая книга 1622—1624 гг. фиксирует, что на Холмогорах на Курцове посаде стоит «двор», а живут в нем «Мишка да Ивашка Борисовы, дети Шешенина, молотчие». Судя по данным «письма», к косторезному ремеслу братья не имели никакого отношения. Следующее «письмо» — 1646—1647 гг. застает на том же Курцове посаде семью Шешениных, но уже в несколько ином составе. Вместе с упомянутым Иваном Борисовичем Шешениным живет другой его брат — Прокопий Шешенин, который записан как гребенщик.

Писцовые и переписные книги являлись официальными материалами, т. к. служили основанием для податного обложения. Поэтому, наряду с именами, они записывали и прозвища людей, чтобы впоследствии не было недоразумений. Так вот, Прокопий Шешенин, холмогорский гребенщик, имел «прозвище Семко».

В том, что Пронька («Семко») Шешенин, гребенщик переписной книги 1646—1647 гг., Семей Шешенин, «костяного резного дела токарь» Оружейной палаты, и так называемый Семен Шешенин — одно и то же лицо, нет никаких сомнений. Таким образом, теперь можно полностью назвать имя этого замечательного мастера — Прокопий Борисович Шешенин. Возникает вполне справедливый вопрос: а кто же такой Евдоким Шешенин?

В документах были названы братья Прокопия Шешенина — Михаил и Иван, а Евдокима среди них нет. Может быть, такого мастера не было и документы Оружейной палаты мистифицируют его? Конечно, Евдоким Шешенин был, но не являлся братом Прокопия Шешенина.

В переписной книге 1646—1647 гг. записано, что Иван Шешенин имел сына Евдокима: «а у Ивашки сын Овдокимко». Если обратимся к записи в книге Оружейной палаты 1656 г., то станет ясно, что «корму по 3 р. по 5 алтын» получили Прокопий Борисович Шешенин и Евдоким Иванович («Овдоким Иванов») Шешенин, «костенного резного дела токари».

Значит, в Москву для работы в мастерских Оружейной палаты были вызваны не братья Шешенины, а дядя и племянник. Теперь многие факты и события можно определить более точно, разобраться в существующей путанице. Стало ясным, кто такой Иван Прокопьев Шешенин и какое отношение он имеет к Прокопию и Евдокиму Шешениным.

В середине XVII в. у гребенщика Прокопия Борисовича Шешенина был сын Иван, которому в 1647 г. исполнилось девять лет. Таким образом, Иван Прокопьевич Шешенин приходился не родным братом Евдокиму (и тем более Прокопию), а двоюродным. После работы в Москве Иван Прокопьевич вернулся на Курцов посад, где и застала его перепись 1678 г. Теперь ясно, что Семен Прокопьевич Шешенин — это второй сын Прокопия Шешенина. В 1678 г. Иван и Семен («Ванька да Сенька Прокопьевы дети Шешенина») жили вместе на Холмогорах, на Курцове посаде.

Мы стоим у начала интересного открытия. Много остается неясного, но первые Шешенины уже найдены.

В приведенных документах упоминается косторезный мастер Кирил Саламатов. Можно было предполагать, что родственники «Кирилки» также занимались косторезным ремеслом. Предположения эти полностью подтвердились. Первый представитель резчиков фамилии Саламатовых известен с 1624 г. Исачко Трофимов сын Саламатов, четочник, жил на Курцове посаде. В середине XVII в. у него был сын Андрей. Но переписная книга упоминает еще одного Саламатова — Петра Исаковича, четочника. Петр Саламатов жил отдельно, своим «двором», имел семью, и был у него сын Кирилко. В 1678 г. Кирил Петрович Саламатов жил на Курцове посаде и имел двух сыновей — Якушку и Омоску по 5 лет. Вот она, династия Саламатовых: Исак Трофимович, Петр Исакович, Кирил Петрович.

ХОЛМОГОРСКИЕ КОСТОРЕЗЫ 1-Й ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА.

1. Исак Трофимович Саламатов, четочник
2. Селиван Иванович Выдрин, четочник
3. Андрей Тимофеевич Петухов, четочник
4. Павел Пятово Назарьев, четочник
5. Степан Пятово Назарьев, четочник
6. Кирилл Узинов, четочник
7. Петуныка Узинов, четочник
8. Томилко Узинов, четочник
9. Томилко Васильев, костяник
10. Павлик Пятово сын Борово, четочник
11. Меншик Федотович Варашкин, гребенщик
12. Меншик Яковлевич Бурово, гребенщик
13. Демьян Пятово сын Назарьев, четочник

ХОЛМОГОРСКИЕ КОСТОРЕЗЫ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА.

1. Прокопий Борисович Шешенин, гребенщик
2. Исак Трофимович Саламатов, четочник
3. Петр Исакович Саламатов, четочник
4. Павлик Назарьев сын Петухин, гребенщик
5. Мокейко Васильев сын Петухин, гребенщик
6. Игнашка Васильев сын Петухин, гребенщик
7. Исачко Савостьянов сын Зубков, гребенщик
8. Ортешка Семого сын Кривоносов, гребенщик
9. Мишка Богданов. сын Сувин, четочник
10. Онфимко Васильев, четочник
11. Петька Ульянов, четочник

ХОЛМОГОРСКИЕ КОСТОРЕЗЫ 2-Й ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА.

1. Евдоким Иванович Шешенин
 2. Иван Прокопьевич Шешенин
 3. Семен Прокопьевич Шешенин
 4. Федот Яковлевич Порозов
 5. Михаил Яковлевич Порозов
 6. Михаил Якимов
 7. Кирилл Петрович Саламатов
 8. Ивашко Степанов, четочник
 9. Ивашка Микулин, гребенщик
 10. Онфимко Микулин, гребенщик
 11. Иван Васильевич Катеринин, гребенщик
- { — были вызваны в 1678 г.
в Москву ⁶⁴

НАД СЕМЬЮ ВЕКАМИ

История возникновения и становления культуры, в том числе городской, в русском Поморье насчитывает несколько веков.

Период первоначального освоения северных земель падает на X—XIII вв. Письменные документы скупо освещают деятельность первых русских поселенцев, которые не встретили здесь существенного противодействия местного населения, о чем свидетельствует характер русских поселений в Заволочье — они не укреплены. Славянские поселенцы, в первую очередь новгородцы, принесли к берегам Белого моря высокую и развитую культуру, оказали решающее влияние на развитие северных земель. Страшный смерч татаро-монгольского нашествия лишь отдаленным эхом докатился до «полунощной страны».

Природные богатства Севера, добытые талантливыми руками трудового населения, нескончаемой рекой текли в казну Новгорода Великого, в руки крупнейших боярских фамилий вечевой республики. Именно в этот период складывается основная черта экономики Севера — промысловый характер хозяйства.

В XIV—XV вв. Север вышел на арену общерусской политической и экономической жизни средневековой Руси. События в Заволочье не сходят со страниц русских летописей. В это время на важнейших водных магистралях — Двине, Ваге, Кокшеньге возникали укрепленные поселения — городки. Появление городков (часть из них была новгородскими, часть московскими) связано с разгорающейся борьбой за северные земли между Великим Новгородом и Москвой.

Можно ли в этих первых укрепленных поселениях, небольших по площади, существовавших непродолжительное время, видеть начало городской культуры на Севере? Безусловно, это можно рассматривать как зарождение городской жизни, процесс консолидации отдельных местностей, тяготеющих к определенным административным и оборонительным пунктам. Достаточно вспомнить, что Орлецкий городок имел типичное для древнерусских городов деление на детинец (кремль) и посад. После взятия Орлеца новгородцы обнаружили в нем «гостей» (купцов) великого князя Московского. Однако северные городки на той стадии развития, которой они достигли к концу XV в., не явля-

лись городами в социально-экономическом понимании этого термина, т. е. центрами ремесла и торговли. И хотя их можно считать предшественниками города, бурное развитие северной экономики в XIII—XV вв., выразившееся в развитии промыслов, укреплении торговых связей с центрально-русскими рынками, привело к появлению более крупных поселений — посадов. Дальнейшее развитие северных земель оказалось тесно связанным с ростом ремесленного производства и торговли на посадах.

В конце XV в. северные земли вошли в состав Русского государства. Новые процессы в политической жизни страны XVI—XVII вв. — образование централизованного государства, территориальное разделение труда, формирование единого все-русского рынка вовлекли северную экономику в систему сложно переплетающихся рыночных связей с различными областями Руси. Северные посады сделали торговые-ремесленными центрами, увеличилось их население, стал более сложным социальный состав, выросла территория. Для внешнего облика северного посада характерны значительная протяженность вдоль рек, иногда на несколько километров, наличие «гостиного берега», лавочных рядов, системы улиц и переулков.

В начале XVII в. в связи с опустошительными набегами польско-литовских интервентов и русских «воров» на поморские волости на крупнейших посадах появились первые укрепления — остроги, а затем и более солидные крепости — «города». Таким образом, в начале XVII в. северные посады, к тому времени по своему социально-экономическому значению являющиеся поселениями городского типа, окончательно оформились в типичные средневековые города. В средневековой Руси понятие «город» относилось к крепости, т. е. к кремлю, который в экономическом отношении не играл никакой роли (по площади кремля во много раз уступали посадам, в них стояли и административные здания и «избы для осадного времени»). При набеге неприятеля «город» не мог защитить посад (на Севере не было защитных линий у посада), в «городе» укрывалось и оборонялось посадское население. Как уже отмечалось, остроги и «города» на Севере возникли при развитых посадах. Исключение представляет лишь Архангельский «город», при котором посад был образован царской грамотой почти два десятилетия спустя после постройки крепости.

Процесс концентрации ремесленного производства, выделение ремесел с узкой специализацией, дальнейшее развитие товарного обращения способствовали имущественному расслоению по-

садского населения. Север почти не знал наиболее жесткой формы феодального гнета — крепостного права, но многочисленные повинности и поборы лежали тяжким бременем на крестьянах и посадских людях. На посаде и «в уезде» увеличивалась группа людей, не имевших средств производства, — «наймитов» или «казаков», которые использовались в качестве наемной силы на промыслах, в судоходстве и строительстве. Многие северяне от «хлебной скудости» уходили за Урал, в Сибирь. Усиление феодального гнета, произвол царской администрации привели к открытому выступлению народных масс. 7 января 1608 г. на Холмогорах вспыхнуло восстание — «мятеж двинян». Воевода Иван Милюков — Гусь и дьяк Илья Ельчанин были брошены в тюрьму. Через три дня дьяка при стечении народа утопили в проруби, а воевода был отпущен, просидев в тюрьме еще шесть дней. Несмотря на то, что восстание было непродолжительным, оно является типичным выступлением горожан против гнета феодально-бюрократического государства. Во время знаменитого восьмилетнего «соловецкого сидения» народная помощь и поддержка бунтующим монахам придали этому выступлению яркий антифеодальный характер.

Таким образом, своеобразие развития северного города состоит не в экономическом «равенстве» с деревней, а в том, что процесс горообразования в силу целого ряда политических и экономических причин растянулся на несколько столетий и завершился во второй половине XVI—XVII вв. Именно в этот период сложилась северная культура, оформились своеобразные северные «школы» живописи, резьбы по кости и дереву, в деревянной архитектуре. Русский Север, пожалуй, единственная область, наиболее стойко хранящая культурные традиции народа со времен Киевской Руси. Он предстает перед нами не захолустьем, не забытой провинцией, а сокровищницей культурного наследия, областью, в которой сложился особый по типу национальный русский характер с его свободомыслием, могучим по размаху талантом, преданностью Родине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Т. К. Богуславский. Рукописные евангелия древлехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического Комитета. Архангельск, 1904, стр. IV.
2. 1 НЛ, 5850 (1342) г.
3. 1 НЛ, 6905 (1397) г.
4. А. Г. Тышинский. О чудских древностях в Архангельской губернии. Труды 1 АС, 1869, т. II, стр. 319, 352; Атлас к Трудам 1 АС, тб. VI.
5. Устюжский летописный свод. М., 1950, стр. 67.
6. IV НЛ, 6906 (1398) г.
7. Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, стр. 282—286.
8. Житие преподобного Варлаама Важеского, СПб., 1893, стр. 13.
9. ААЭ, т. 1. СПб., 1836, № 318, стр. 380.
10. С. Ф. Огородников. Очерк истории города Архангельска. «Морской сборник», № 9, СПб., 1889, стр. 115—119;
11. ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, кн. 9, 1—12.
12. ДАИ, т. III, СПб., 1848, стр. 111—113.
13. ДАИ, т. VI, СПб., 1858, стр. 130; т. V, СПб., 183, стр. 284.
14. ДАИ, т. V, стр. 284.
15. ДАИ, т. VI, стр. 129 и далее 130, 137, 139.
16. ДАИ, т. III, № 13, стр. 61—63.
17. ЦГВИА, ф. 3, оп. 3, № 1682 (план 1740 г.); ф. ВУА, № 21644 (план 1768 г.).
18. ДАИ, т. X, СПб., 1867, стр. 298—300.
19. А. А. Титов. Летопись Двинская. М., стр. 17—19.
20. Описание историко-статистическое города Холмогор. Арх. Губ. Вед. № 1, 1851.
21. ЦГАДА. Поместный приказ, ф. 1209, кн. 9, л. 49 об.—54 об.
22. Архив ЛОИИ, ф. № 5, коробка 38, папка 5 (д. 5622, 5645).
23. ЦГВИА, ф. 349, оп. 41, д. 6209, 6210.
24. ЦГАДА, ф. 137, ед. хр. 44-а, л. 12, 12 об.
25. Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках, III, Сиб., 1888, стр. 1—4.
26. Летописец, содержащий в себе Российскую историю. М., 1781, с. 174.
27. С. Б. Веселовский. Памятники первых лет русского старообрядчества, вып. II, СПб., 1914, стр. 8—9.
28. Наказ воеводе Семену Обьедову (1647 г.) ДАИ, т. III, СПб., 1848, стр. 82. Наказ воеводе Василию Дикову (1664 г.) ДАИ, т. IV, СПб., 1851, стр. 342.
29. ГИМ. Отдел письменных источников, ф. 113, ед. 17, л. 1.
30. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. Альбом, л. 10, рис. 78—79; Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960, стр. 288.
31. П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. Документы. М.—Л., 1950, стр. 463—468.
32. ДАИ, т. V, СПб., 1853, стр. 172.
33. Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 146, 205.
34. В. И. Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы протопопа Аввакуме. Тр. ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 394.

35. Дела Тайного Приказа. Кн. 1, РИБ, т. 21, СПб., 1907, стр. 1174, 1184, 1729, 559.
36. ЦГАДА. Поместный Приказ, ф. 1209, ед. хр. 168, л. 1—61.
37. Архив И. М. Строева, т. II, Петроград, 1917, стр. 263.
38. ДАИ, т. 1, СПб., 1846, стр. 286.
39. М. М. Богословский. Тяговая организация Поморья в XVII веке. Древности. Труды Археографической комиссии, т. 3, М., 1913, стр. 9.
40. ЦГАДА, ф. 134, ед. хр. 10а, л. 2—5 об.
41. В. Дашков. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. ЖМВД, ч. X, II, № 11, 1841, СПб., стр. 178—181.
42. Архив ЛОИИ. Коллекция рукописных книг, ф. 115, № 305, л. 73.
43. Губернская карта и городские планы Олонецкого наместничества. 1812 г. ГПБ. Рукописный отдел. Q IV.71.
44. Г. Г. Фруменков. Соловецкий монастырь и оборона Поморья, в XVI—XIX вв. Архангельск, 1963, стр. 26.
45. Дела Тайного Приказа, кн. 1. РИБ, т. 21. СПб., 1907, стр. 143 и далее 175—176, 685—686.
46. ДАИ, т. XII, СПб., 1872, стр. 361, 46.
47. И. Е. Бранденбург. Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876, стр. 269.
48. ДАИ, т. IX. СПб., 1875, № 74, стр. 154.
49. П. Смирнов. Города Московского государства в перв. пол. XVII в., т. 1, вып. 2. Киев, 1919, стр. 171. М. Богословский. Земское самоуправление, т. 1, М., 1909, стр. 120.
50. ДАИ, т. X, СПб., 1876, стр. 115.
51. ЦГАДА, ф. 157, ед. хр. 44а.
52. С. В. Бахрушин. Железодобывательные районы в Русском государстве в XVI веке. Вопросы географии. Сб. 20, М., 1950, стр. 59—61.
53. Таможенные книги Московского государства XVII в., т. III, стр. 165, 270, 276.
54. Там же.
55. В. Верюжский. Афанасий — архиепископ Холмогорский. СПб., 1908, стр. 394.
56. А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого. XVII в. М., 1960, стр. 632.
57. Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. Исторические записки, т. 34, стр. 170.
58. Приходно-расходные книги Московских приказов, кн. 1, РИБ, т. XXVIII, М., 1912, стр. 205—209.
59. Дела Тайного Приказа, кн. 1, РИБ, т. 21, СПб., 1907, стр. 1009.
60. ДАИ, т. V, СПб., 1853, стр. 172.
61. Н. А. Бакланова. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. Тр. ГИМ, вып. IV, М., 1928, стр. 88; Архив ЛОИИ, Ф. Холмогорской таможенной избы № 1204, л. 1.
62. И. М. Линдер. Шахматы на Руси. М., 1964, стр. 119—120.
63. Таможенные книги, т. 1, стр. 196; т. II, стр. 46, 61; т. III, стр. 17, 227.
64. А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных Дворцовых приказов 1613—1725 гг., вып. 2, М., 1883, стр. 425—426.
65. Н. В. Устюгов. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. Исторические записки, т. 34, М., 1950, стр. 169.

СОДЕРЖАНИЕ

«Ревнители северных древностей»	5
Яблоко раздора	9
Крепость Михаила Архангела	21
«Город на Холмогорах»	35
Пустозерск и пустозерские «апостолы»	40
Там, где начинается Онега	49
Северный арсенал	57
Поморские гефесты	63
«Гребенщики да шахматники, что на Двине сыщутся»	69
Над семью веками	76
Примечания	78

Олег Владимирович Овсянников

ЛЮДИ И ГОРОДА СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕВЕРА

Редактор Л. И. Одинцова.
Оформление художника Н. Г. Ноговицына.
Художественный редактор В. С. Вежливцев.
Технический редактор Н. Б. Буйновская.
Корректоры В. И. Пригодина и А. А. Фонтейнес.

Сдано в набор 2/XI 1970 г. Подписано в печать 15/II 1971 г.
Форм. бумаги 60×84/16 (бумага типографская № 1). Физ. печ. л. 5,0.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 4,512. Тираж 15000. Сл. 00280. Изд. № 4644. Заказ № 3876
Цена 30 коп.

Северо-Западное книжное издательство, Архангельск, пр. П. Виноградова, 76.

Типография им. Склепина.
Архангельск, набережная В. И. Ленина, 86.

30 коп.

